

Для Хакимова
Комната
Страха

Эля Хакимова
Комната страха

«АСТ»

2009

Хакимова Э.

Комната страха / Э. Хакимова — «АСТ», 2009

Ева всегда одна. У Евы есть дар. Ей достаточно образца почерка, наклона, размера и округлости букв, чтобы увидеть образ и судьбу человека. Работая с очередным письмом, Ева понимает: его автор – убийца. И хоть драма разыгралась в другой стране и в другом веке, умереть за тайну старинного документа можно здесь и сейчас... «Комната Страх» – роман-сюрприз: изящная мелодрама в обертке детектива, перевязанная лентой исторической авантюры.

© Хакимова Э., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 12	36
Глава 13	37
Глава 14	39
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эля Хакимова

Комната Страха

Пролог

Тонкое лезвие весенней сырости обострило пряные запахи побережья – мокрой коры сосен, тины и соленого ветра. Ева, глубоко задумавшись, шагала по узкой ленте песка, перемешанного с хвойными иглами. С одной стороны топорщился угрюмый лес. С другой натужно дышало море. Девушка вздрогнула, когда заметила ворону, неподвижно лежавшую в паре метров от ее ботинок. Приблизившись, Ева скорее почувствовала, чем увидела, что птица жива.

Со стороны деревьев – хмурая и степенная, с маленькой черной трубкой, зажатой меж золотых зубов, и ярким платком, свернувшимся на голове, – на берег вышла старая цыганка. Подошла к Еве и, наклонившись, подняла с мокрого песка ворону. На песке осталось яркое пятно крови. Птица не издала ни звука, пока цыганка складывала ее как перочинный нож и засовывала в карман пиджака с отливом, явно с чужого плеча. Посмотрев на Еву, цыганка, не вынимая трубки изо рта, сурово бросила:

– Погадаю, красавица, – и, предупреждая готовые сорваться с языка девушки возражения, снисходительно кивнула: – Без денег погадаю. Просто так.

– Не надо. – Ева протестующе взмахнула рукой, но гадалка ловко выхватила из воздуха тонкое запястье черными пальцами, неожиданно теплыми и мягкими. Клубок дыма пыхнул в ладошку Евы. Взгляд цыганки нырнул вслед за ним... то, что она увидела в паутине линий, заставило ее вскинуть глаза к лицу девушки.

Грубо отбросив руку Евы, цыганка направилась к линии прибоя. Пальцы, которыми она прикасалась к девушке, цыганка опустила в кипящую пеной воду.

Из-за деревьев с громкими криками выбежала ватага чумазых детей и бросилась к старухе. Она гортанно крикнула им что-то, и они остановились как вкопанные, не спуская изумленных глаз с Евы. Пока та проходила мимо выстроившихся и притихших детей, поедавших ее глазами, цыганка, закончив омовение, достала из кармана ворону, поблескивающую черными бусинками глаз и отдала ее одному из мальчиков.

Часть I Ворона

Глава 1 Чужое письмо

Выглядела Ева необычно, напоминала ворону – лакированно-черную, прямую и гладкую, даже кости ее, казалось, были трубчато-полые, как у птиц. Вовсе не желая отличаться от окружающих, Ева, тем не менее, выделялась в толпе – и цветом, и фактурой, и непроницаемым выражением лица, не выпускающим наружу чувства, все равно не понятные, как она самонадеянно полагала, никому.

Квартира Евы была царством, где вдовствующая королева Серого являлась регентом его высочества принца-дофина Белого. Рационализм стали, льдисто сияющей в элементах интерьера, отрезвлял всякого, кто оказывался в ее доме. Минимализм, доведенный до полнейшей экономии эмоций, уступал в «уют» разве что казенному моргу. С небольшим отрывом.

Ева задернула шторы и выключила в доме день. Теперь, благодаря искусственному освещению, стала заметна самая главная для нее в квартире вещь – картотека, занимавшая весь сделанный на заказ стеллаж. Ее личная коллекция почерков. Тысячи планшетов, заполненных вязью слов. Это были исписанные листы самой обычной или, наоборот, редчайшей бумаги. Богатство Евы, ее друзья и враги, ее Любовь, ее работа – вся ее жизнь была на этом стеллаже. Только здесь, рядом со своей уникальной коллекцией – она чувствовала себя на месте. Ева была графологом.

Помучавшись после окончания школы с выбором профессии, как и всякий, кто несчастливым обладал склонностью одновременно и к гуманитарным, и к техническим наукам, она в конце концов заинтересовала своими работами солидную фирму. Организация эта занималась частными расследованиями, кадровыми вопросами и вообще всем тем, за что состоятельные клиенты были готовы платить деньги.

Сейчас Ева приступила к работе – курьер доставил очередное задание. Быстро изучив несколько резюме соискателей, Ева составила психологические характеристики претендентов. Для объективного анализа личности ей было достаточно написанного от руки текста на нелинованном листе. Ева могла видеть, как из плоскости бумаги проступает объемный портрет человека, с деталями, поясняющими его характер, прошлое, а иногда и будущее.

Покончив с резюме, Ева приступила к самому приятному. Из папки, отличающейся от остальных, она достала свой трофей. Письмо, написанное на листе обычного формата. Ева с закрытыми глазами могла воспроизвести все строчки этого документа, все буквы, все тончайшие линии, заметные только под лупой. Не только потому, что обладала фотографической памятью, но и потому, что уже бесчисленное количество раз смотрела на этот лист, убористо исписанный кем-то.

Это было похоже на то, что происходит с фотографией, когда изображение проявляется в химических растворах, постепенно выплывая из густого, как сливки, тумана. Слой за слоем полупрозрачные тени, накладываясь друг на друга, образуют живой портрет. Сначала общий силуэт, эскиз характера. Для этого довольно беглого взгляда на размер букв, наклон, поля, нажим, с которым писались строки. Затем скрупулезный поиск подтверждений или опровержений основных черт.

Она искала новые штрихи к портрету Писателя. На основании почерка нельзя утверждать, женщина это или мужчина, молодой или пожилой человек. Собственно, многие ее

предположения по этому Письму были заведомо не верны. Ева отчаянно своевольничала, изначально приняв за факт, что автором этого Письма был Он. Весь образ, с мельчайшими полутонами и выписанными тенями мог рухнуть, окажись Писателем женщина. Многие заключения Евы строились исключительно на основании глубокого внутреннего убеждения, рожденного почти невыносимым желанием, чтобы это был Он.

Ева с детства обращала внимание, как люди пишут. Каждый по-своему, каждый почерк неповторим. Соседка по парте в начальной школе писала с едва уловимым нажимом, перья выбирала тонкие и светлые. Ее прописи и даже черновики были чистенькими и аккуратными, как и сама хозяйка – миниатюрная брюнетка с огромными блестящими глазами. Мику стали звать Мышкой почти сразу, отчасти из-за созвучности имени, отчасти же из-за ее мелких суетливых попыток быть неприметной.

Мика подружилась с Евой, тихой, задумчивой девочкой, явно безопасной, и беспрепятственно позволила той изучить свой характер и впервые сопоставить его особенности с особенностями почерка. Это были одни из ранних наблюдений Евы, а потому – одни из самых волнующих и незабываемых. Строчки, написанные человеком, привязывали к нему, как погремушки ниточками, всевозможные качества, из которых и складывался характер.

Остренькие, аккуратные буквы в бледных тетрадках Мики как будто специально подстраивались под ее замкнутую, сдержанную натуру. Стиснутые в словах, между которыми оставались только узкие окошки просвета, как маленькие, бледные дети, истощенные экономией всего на всем (Мика была из многодетной небогатой семьи), они, казалось, печально попискивали от голода.

Презирая безнадежную борьбу учителей за правильный наклон, буквы Мышки почти падали на строки. Постоянное соперничество Мики с Евой скалывало их почти до геометрической угловатости. Обе девочки успевали довольно хорошо, но Еву никогда не волновало, насколько больше у подруги высоких оценок, тогда как Мика вела им строгий учет, записывая баллы двумя колонками в маленькую черную книжечку.

Еву эти чудаковатости ничуть не удивляли. Напротив, она только радовалась разнообразию человеческих странностей, представляющих столь широкое поле для исследования, и никогда не делила особенности почерка на хорошие и плохие, так же, как честно старалась никогда не судить о людях как о плохих или хороших.

Сама она писала или печатными буквами, или с абсолютной точностью копировала прописи неизвестного идеального автора в школьных учебниках. Обладая способностью чувствовать самые потаенные желания людей через их почерк, Ева сильно удивилась, когда узнала, что далеко не все умеют делать то же.

Подобно парке¹, она распутывала строчки писем в ровные нити и сматывала их в клубки – сгустки человеческой натуры. Зачем ей нужны были фотографии людей? Достаточно одной страницы, и вот уже готов портрет, более подробный, чем любой фотоснимок: ведь никто уже не может скрыть за притворной улыбкой – зависть, а за показным спокойствием – бурю чувств. Все пережитые трагедии, удары судьбы, совершенные или только задуманные преступления открывались Еве иногда с первого взгляда, иногда после тщательного анализа.

Ева знала, что нельзя торопиться и принимать за истинные те предположения, которые первыми приходят в голову. Иногда сочетание различных особенностей приводило к противоположным выводам. Очевидные признаки вступали в противоборство с теми, которые можно было разглядеть только через увеличительное стекло. К тому же все они имели свой ранг и, как карты в колоде, свое достоинство.

---

¹ Парка – одна из трех богинь судьбы в древнеримской мифологии. Парки (Nona, Decima и Morta) пряли, распределяли и перерезали нить человеческой судьбы. (Здесь и далее примеч. автора.)

Отдельные штрихи рукописей складывались в образ человека. Каждая линия занимала в образе свое место – и, не имеющая смысла с близкого расстояния, издали неотделимая от других, становилась частью полутени в черно-белом портрете. Ева не владела цветом, она была графиком. Теряясь там, где нужно было почувствовать вкус живой палитры, она ясно различала мельчайшие оттенки черного – от туманно-серого до тончайшей и чернейшей линии на границе двух предметов.

И вот сейчас она мысленно разглядывала портрет автора Письма. Позволяла она себе такое довольно редко – чтобы не обесценить, не растерять радостную свежесть ощущений и не «замылить» глаз. Это была ее маленькая тайна, ее отрада, от которой не так легко отказаться было еще тогда, в день находки трофея, а сейчас уже и невозможно. В глубине души Ева была уверена, что только ради встречи с Письмом она и стала этим самым специалистом-почерковедом, как полушутя-полусерьезно называл ее координатор.

Глава 2

Знакомство. Дом, Сеньора и не только

– Координатором назывался человек, который передавал Еве заказы, ставил перед ней задачи и порой кормил ее обедами в самых экзотических ресторанах города. Этим вечером они снова встречались.

Иногда она пристальнее обычного вглядывалась в своего руководителя, вспоминая его почерк. Как и на всякого сотрудника компании, на Макса тоже было заведено дело с образцом почерка, хранившееся в архиве отдела по персоналу. Этот образец попал как-то раз в руки Евы, благодаря небольшому внутреннему расследованию, которые время от времени затевала служба охраны, чтобы убедить руководство в собственной компетентности.

Явно почерк высокого блондина. Прирожденный руководитель. И, вероятно, человек, пока не достигший всего, на что способен. Уверенный нажим. Довольно скрытный характер. Ева не удивилась бы, узнав, что он давно и тайно в кого-то влюблен.

Худое костистое лицо с героическим шрамом на лбу, но при этом крепкое, мускулистое, как у холеной борзой, тело профессионального спортсмена. Холодные серые глаза с удлиненным разрезом цепко вглядывались в собеседника, подмечая малейшие нюансы мимики и надолго оставляя за собой прохладный, как чешуя змеи, след, не исчезающий даже под лучами солнца.

Тонкие губы, казалось, никогда не растягивались не только в улыбке, но и просто в гримасе. На проявления сильных эмоций, очевидно, он не способен.

«Неужели и у детей могут быть такие тонкие губы? – размышляла Ева, изучая меню и тайком поглядывая на своего собеседника. Ей легче было поверить в то, что Макс никогда не был ребенком. – Нет, решительно малоприятный тип. Ему явно есть что скрывать, и давно пора прекратить эти встречи, подозрительно похожие на свидания». Ева заметила пристальный взгляд начальника.

– Бокал вина, если можно. – Она откинулась в мягкое глубокое кресло. – Я не голодна.

– Ну, заказ вы уже сделали, – напомнил координатор, заставив Еву слегка покраснеть, – а вот что вы скажете насчет этого?

Он вынул из портфеля бювар с документом, выписанным вручную на листе старинной веленовой бумаги, и передал ей. В нижнем правом углу просматривалось личное клеймо, какие обычно ставили мастера гильдии производителей бумаги. Конец восемнадцатого, вероятно, Лион или Париж... Нет, Париж.

Тряхнув головой, Ева посмотрела на лист. Провела раскрытой ладонью над четкими строчками, не касаясь поверхности бумаги. Живой документ, вне всякого сомнения. Перевернув страницу, она увидела рельеф, отчетливо повторяющий с изнанки все строки в зеркальном отражении.

Так, теперь почерк. Ева, как это всегда с ней происходило в подобных случаях, увлеклась и перенеслась в Рабочий Кабинет, перестав воспринимать реальность. Была у нее такая особенность – бегство из реальности для нее означало скорее процесс не «из», а «куда». Где-то внутри нее был Дом, огромнейший, с сетью запутанных коридоров и потайными комнатами, с лестницами, уходящими в темноту, и чердачными оконцами за трепетом белого муслина.

Открыла она этот Дом случайно. Детский аттракцион с крутобокими пони и радостными динозавриками, раскрашенными в яркие цвета, на первый взгляд показался пятилетней Еве совершенно безобидным – и она поддалась уговорам прокатиться на «миленькой лосадке».

Все такие надежные до сих пор ориентиры, с неподвижной землей, уверенно вросшими в нее деревьями, небом, неизменно находившимся над головой, – предательски тронулись с места, закружились и, кривляясь в диком танце, внезапно исчезли вовсе. Остался только глухой

гул, давивший на уши почему-то не снаружи, а словно изнутри. От полной и внезапной потери связи с реальностью маленькая Ева немедленно перенеслась в Комнату Страх. «Может, меня вывернули наизнанку?» – раздались в тишине ее мысли.

Слегка раздвинув ладони, закрывавшие лицо, она осторожно ознакомилась через импровизированную амбразуру с окружающим пространством. Пространство было замкнутым, хотя стены терялись в пыльном затхлом полумраке, наполненном незнакомыми запахами. Скорее, это была даже не комната, а глубокий колодезь. Каменный мешок, в котором все звуки, растворенные в скудном свете, однородной густой кашей изливались на ее голову откуда-то сверху. Когда перемешивают краски всех оттенков сразу, получается именно такая по цвету и текстуре масса. Но и здесь можно было существовать – дышать, слышать свои мысли – и ждать. Ждать, когда вернется прежняя жизнь и остановится карусель.

Притихшая Ева слезла с лошадки в объятия матери, запоминая дорогу в новый для нее мир. Со временем она ознакомилась с другими комнатами этого Дома, но чувствовала, что многое так и не увидит никогда – слишком уж он был для нее велик. Она не полюбила его, нет. Но приняла и узаконила его существование.

Кроме Комнаты Страх, там было много других мест и вещей, более или менее приятных. Например, Лодка в виде кровати, медленно плывущая по ночной реке, с берегами, теряющимися в мягких сумерках. Там тихо плескались волны, а звезды сияли и сверху и снизу.

Или Детская Площадка, запеченная в четырехчасовом полудни летнем солнце, которое отвесным потоком источало свой расплавленный до белого каления свет в разогретый песок. Воздух здесь был густющий, но мягкий и текучий, как сливочное масло, забытое после завтрака. Здесь десятилетняя Ева оказалась в момент клинической смерти, когда во время одной пустяковой операции анестезиолог ошибся с дозой наркоза.

Было еще звенящее Раннее Утро, которое можно застать только специально проснувшись в самый сладкий час ночного сна, когда прохлада омывает каждую каплю пространства и выстраивает в ряд все надежды для полного и решительного их осуществления. Да много чего еще было в этом удивительном Доме!

Рабочий Кабинет для размышлений был светлым и холодным. Одно из самых ее любимых мест. Белые непрозрачные стены отсекали все звуки. Казалось, внутрь этой комнаты проникало только холодное сознание, все остальное – руки, ноги, голод, страх или желания – как ненужный зонтик и галоши, оставшиеся в прихожей, терпеливо дожидались минуты возвращения своей хозяйки.

– Это случайно не очередная проверка? – Ненадолго вынырнув из Кабинета, она внимательно посмотрела на Макса.

– Если я поклянусь, что нет, вы мне поверите? – Он слегка усмехнулся.

Что за дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос! С такого станется, проверит – не моргнет. Хотя это она, конечно, погорячилась. Еве вспомнилась и черта, твердо и коротко проведенная под его подписью, и сам почерк, неразборчивый на первый взгляд, но очень понятный в действительности благодаря максимально упрощенному написанию букв. Значит, рационален, умен. Да и гордость не позволит ему опускаться до тривиального обмана или хотя бы на дюйм отойти от единственно возможной истины.

«Ну и черт с тобой!» – оставила Ева последнее пожелание за стенами Кабинета. Здесь уже в нетерпении столпились все выкладки анализа почерка – параметры сами собой фиксировались и выстраивались по рангу, поддерживая друг друга или опровергая, составляя пары сочетающихся друг с другом или в недоумении сталкивающихся утверждений. Наклон, твердость... Она сделала поправку на год и век написания письма – было время, когда завитки и украшательства являлись признаком хорошего образования или средний угол наклона был неизмеримо большим, чем принятый сейчас, а грамотность уже сама по себе характеризовала человека определенным образом.

– Человек интересный. Очень изобретательный. Редкий тип чистого сангвиника. Задумал убийство. Писал в момент его осуществления.

– Даже это можно вывести? – Макс недоверчиво приподнял бровь.

– Не знаю... Он мог параллельно писать и, скажем, подсыпать яд в бокал. У них, аристократов, знаете ли, в те времена многие знали о ядах – современный эксперт-токсиколог сильно позавидовал бы. По крайней мере два временных перерыва вот здесь и здесь были точно. Небольшие...

– Значит, аристократ? – Он откинулся на спинку кресла и казался полностью расслабленным. Но в глазах читалась напряженная работа мысли. – Мужчина или женщина?

– Вы же знаете, этого сказать только на основании почерка никак нельзя. – Ева слегка споткнулась на слове «никак», вспомнив вдруг то самое Письмо.

– Можно притянуть некоторые особенности излома, и потом, поправка на время – бумага дает шанс более точно датировать документ – я бы сказала, что скорее мужчина. Или ну очень уж решительная и волевая (у сангвиников меньшие различия) женщина. В таком случае речь идет о женщине, намного опережающей свое время, причем она хорошо знала это. Окружающие, несмотря на ее довольно высокий социальный статус, слишком уж часто давали ей это понять...

Сама не замечая как, Ева увлеклась не на шутку. Ей не было свойственно работать так открыто, тем более при человеке, которого она если и не презирала, то уж точно – которому не доверяла. Таинство составления портрета требовало одиночества, да и дорога в Кабинет не открывалась так запросто, тем более в публичном месте. Однако теперь она, даже не задумываясь, продолжила размышлять вслух:

– Пусть это будет женщина. Предположим, я хотела сказать. Высокая брюнетка. Определенно – очень красивая женщина. Не понимаю ее склонности к мистике – она должна быть весьма образованной особой не только по тем временам, но и по нынешним. – Про себя Ева уже назвала объект. Она любила персонифицировать почерки, давая им не только портреты, но и имена. «Старая Сеньора», – не колеблясь, постановила она. Попробовав на вкус слова, она осторожно пробормотала их вслух.

– Вы предполагаете, что преступлением было именно убийство? – Макс слегка нахмурил темные брови.

– Думаю, да, – не отвлекаясь, бросила Ева и достала из сумки лупу, чем вызвала легкий блеск удивления в глазах собеседника. – Жаль, что здесь плохое освещение... Больше действительно похоже на отравление. Хорошо впишется в нашу концепцию о том, что это она, а не он. Это во-первых. – Ева опять замолчала, уставившись в пространство, как будто что-то вспоминая.

– А во-вторых? – Макс все же решил нарушить ее сосредоточенное молчание после продолжительной паузы.

– Это была самозащита. Крайняя мера, вынужденная, но вполне осмысленная. На преступление в состоянии аффекта она не способна. Не ее стиль. Гордость за свой род не позволяет. Гордость, возможно, и была побудительным мотивом. Честь для этого человека – важнее жизни.

– Для сангвиника это логично, но для женщины? – с сомнением в голосе прервал координатор Еву, постукивая пальцами по столу.

– Именно для этой вполне логично, – отмахнувшись от его замечания, она продолжила разглядывать уже вполне сложившийся образ Сеньоры. Ее присутствие за их столиком стало столь явственным, что оба, выпрямившись в креслах, на несколько секунд притихли. Дама, вызванная Евой из толщи времен, спрессованной в рыхлый лист пожелтевшей бумаги, внимательно прислушивалась к ее словам.

В приглушенном свете ресторанный зал, интерьер которого, пожалуй, был перегружен зеркалами, стоял легкий гул, в котором, как в экзотическом коктейле, были намешаны различные звуки. Ненавязчивая музыка, размытые голоса беседующих за столиками пар и двух-трех компаний – настолько разношерстных, насколько можно увидеть в одном заведении.

– Излом настораживает. Интеллект все же превалирует, однако накал эмоций в тот момент был очень силен. Что-то французское в этом испанском документе...

– Вы хотели сказать – что-то испанское в этом французском документе? – Макс вопросительно посмотрел на удивленную Еву.

– Почему французском? Бумага действительно сделана в Париже, если это настоящий документ, но писать могли где угодно. В те времена документ, писанный собственноручно, а не секретарем, должен был быть именно на такой бумаге, ее иногда заказывали специально, еще и с личным гербом. А, собственно, что... – Она в изумлении уставилась на Макса, лицо которого вдруг изменилось до неузнаваемости. Этот сухарь, этот педант и позер, оказывается, умел смеяться! Более того – хохотать.

– Текст на французском языке, – с трудом остановившись, выдал Макс.

Ева настолько увлеклась почерком, что не обратила внимания, на каком языке написан изучаемый документ. Это действительно был лист с перечислением блюд на французском языке. Меню! Ева и сама бы посмеялась, но для нее это был скорее повод задуматься. С одной стороны, смешно, конечно, не замечать столь очевидные факты, а с другой – многие черты ее характера тщательно культивировались ею самой на протяжении всей сознательной жизни. А способность концентрироваться на самом важном, пусть и ценой потери малозначительной информации, была ее гордостью.

Об этом она и думала всю дорогу домой, параллельно болтая с Максом о всякой всячине. Ни в коем случае не намереваясь развить потепление между столь разными людьми, как она и ее начальник, Ева все же на секунду примерила на себя возможное совместное с ним будущее – просто в силу привычки не отметать никакие, даже самые нелепые варианты решений задач. Ей стало тесно и неудобно.

С чувствами у Евы складывались странные отношения. Многие из них она считала откровенно ненужными, а некоторые – и просто вредными. Любовь относилась к разряду несуществующих. Распровавшись с Максом, она сказала себе: «Ну, все, хватит. Пора заканчивать эти свидания, ни к чему хорошему они не приведут».

Надменная Сеньора все еще продолжала маячить на задворках сознания, когда Ева вернулась домой. Впервые за долгое время довольная проведенным вечером, она, не включая лампы (скудного ночного света, проникавшего сквозь окна, было вполне достаточно), прошла по квартире.

Глава 3

Приглашение Кассандры

На автоответчике ее дождалось сообщение: «Ева, детка! Давно не видела тебя. Не желаешь навестить свою престарелую родственницу?»

Этот властный и тихий голос Ева помнила с раннего детства. Уже тогда он был таким же надтреснутым, как ваза в пыльном чердачном буфете огромного загородного дома, со временем ставшего резиденцией бабушки Александры.

Спокойствие как рукой смахнуло. От своих родственников Ева старалась держаться еще дальше, чем от остального человечества. С детства замкнутый и неприветливый характер заставлял ее общаться с людьми как можно меньше. Одиночество не тяготило ее, зато склонность к созерцательности рано развила в ней наблюдательность.

С большинством родственниц Ева не виделась годами, проживая с ними в одном городе. Тем не менее заботами мамы сведения о ее жизни исправно доставлялись всем членам семьи. Бабушку Александру она не видела уже много лет, с тех пор как перестало быть обязательным проведение летних каникул в загородном доме, что на протяжении трех последних столетий считалось в семье одним из неперенных условий воспитания здорового потомства.

Озадаченная сверх всякой меры, Ева соображала, как именно ей поступить. Должна ли она сейчас ехать в старый дом? Или она может сделать это, когда ей будет удобно? Лучше, конечно же, никогда... Вдруг удастся отделаться и послать с визитом Виолу? Задумавшись, Ева вздрогнула от неожиданности, когда зазвонил телефон.

– Дорогая моя, будь готова – завтра к шести я за тобой заеду. Постарайся поприличнее одеться. Все-таки Александра уже старенькая, сама понимаешь, не особенно следит за современной молодежной модой. Простлый раз Марфа ее чуть не прикончила своими татуировками. Слава богу, ты у меня не такая! Но бедную сестру мою просто жалко, – без капли сожаления в голосе тараторила Виола, – иметь такую дочь! В чем дело, почему ты молчишь? Алло, алло, я тебя не слышу!

– Все в порядке, ма! Я тебя слушаю. – Собственно, все вопросы разрешились сами собой. – А мне обязательно туда ехать?

– Да, – сурово проигнорировала просительно-раздраженные нотки в голосе дочери родительница. – И вообще, я не понимаю, в кого ты уродилась такая... такая дикая?! Человек не должен жить один. У тебя великолепная, замечательная семья, а ты избегаешь ее. Это глупо и безответственно, в конце концов!

– Ну хорошо, хорошо. Я еду. Не понимаю, что ей от меня понадобилось.

– Возможно, она по тебе просто соскучилась, – ядовито предположила Виола.

– Ты ведь наверняка что-то знаешь!

– Нет, я ничего не знаю, – в некотором замешательстве от собственного признания проговорила мать, – и никто ничего не знает, уж поверь мне, я навела справки. Честно говоря, сама сгораю от нетерпения, – простодушно призналась она.

– Понятно. Спокойной ночи, ма.

Виола, судя по всему, продолжала еще говорить, когда Ева решительно опустила трубку. Тут же раздался еще один звонок. Секунду подумав и решив, что вряд ли Виола снова так резко наберет ее номер, Ева ответила.

– Салют-салют! – зазвучал голос Марфы, неизменно доброжелательный и бодрый. Она всегда несколько манерничала (пережитки прошлого, когда считалось, что представители богемы разговаривают иначе, чем нормальные люди), растягивая гласные, вставляя словечки из лексикона узких специалистов в какой-нибудь редкой области или ставя ударение в словах так, как это делают только иностранцы.

- Привет, – несколько напряженно ответила Ева. Обе помолчали.
- Ну что, готовишь распятие и осиновый кол?
- Ха-ха-ха, – без всякого выражения изобразила Ева, – тебя тоже?
- Да я уже отстрелялась.
- Интересно. Действительно что-то серьезное?
- Как сказать... – Голос Марфы теперь стал более естественным. За дурашливыми нотками пряталась усталость, что было на нее не похоже. – Я просто хотела убедиться, что ты едешь.
- У меня есть выбор?
- Как раз у тебя-то он и есть. Как всегда.
- Марфа, я ничего не понимаю. Честно говоря, и не хочу. Эти загадки меня раздражают, и я не желаю в них разбираться. Почему бы вам всем не оставить меня в покое? Прости, я не хотела говорить с тобой так резко, – и после паузы добавила уже спокойнее: – Именно с тобой меньше всего.
- Я знаю, ты можешь опять на месяцы, если не на годы, закрыться или вовсе исчезнуть. Но я тебя прошу, не уходи от нас сейчас. Это нужно мне. – На последнем слове Марфа сделала ударение.

Глава 4

Марфа и ворона

Ева была потрясена ее настойчивостью. Уж кто-кто, а Марфа всегда признавала за человеком право на свободу выбора. С раннего детства проявившая свой характер, эта активная и любознательная девочка, от природы наделенная недюжинными способностями, демонстрировала самые крайние проявления подросткового бунта. То всей семьей ее вытаскивали из какой-то религиозной секты, пряча «бедную девочку» у разных теток от прилизанных и всегда безупречно вежливых сектантов. То вдруг она ударялась в язычество, довольно смело экспериментируя с шаманскими способами изменения сознания. Затем увлекалась протоевангелиями и отреченными писаниями. Она с энтузиазмом зачитывала своим благопристойным тетушкам апокрифы малоизвестных средневековых схоластов. После чего несчастные едва не возблагодарили бога за то, что Марфа свернула на путь обычных хиппи, поселившись с ними в палаточном городке, расположившемся недалеко от семейного загородного дома.

«Гораздо лучше, что теперь наша девочка рядом и под присмотром», – шептались милые старушки. И «присматривали» из-за кружевных занавесок за танцами и митингами детей солнца. Но лето прошло, и все эти веселые молодые люди с блестящими (не только от ветра) глазами куда-то испарились. И Марфа ушла вместе с ними.

После нескольких лет кочевой полубогемной, полуцыганской жизни Марфа, повзрослев, успокоилась. Сняла квартиру и устроилась в лавку, которая торговала всякой всячиной – от магических кристаллов и амулетов до бижутерии фэн-шуй, эзотерической литературы и картин. Картины пристраивали сюда знакомые художники из начинающих и гениальных, но безжалостно отвергнутых известными галереями. Марфа, единственная из пяти двоюродных сестер Евы, была замужем за неизвестным (о, только пока!) художником и уже имела ребенка.

Ева испытывала смешанные чувства именно к этой своей кухне, выделяя ее среди всех прочих. Только с Марфой она могла сидеть ночами на широких подоконниках, наблюдая, как мимо проплывают клубы тумана, и казалось, это девочки плывут в тишине мимо окутанных дымкой берегов неизвестной страны. А когда наступало утро, они первыми сбегали с крутого берега к реке, плавно несущей свои воды мимо их дома, плеском, смехом и дикими криками выгоняя ранних птиц из прибрежной травы.

Маленькая разбойница Марфа, отважная и веселая. Всех знавшая, всем интересовавшаяся. Раньше других девочек закурившая, выпившая вина и поцеловавшая мальчика. Она щедро делилась опытом с кухнями. А те жадно, как птенцы с раскрытыми клювиками, ловили каждое ее слово. Она исследовала поросшие паутиной чуланы и темные чердаки, отыскивая сундуки со старыми шляпами и вышедшими из моды еще лет пятьдесят назад платьями – для домашних карнавалов и театральных постановок. Марфа, само собой, исполняла роли героических капитанов пиратских бригав или несправедливо осужденных графов.

В отличие от других девочек, Марфа поменяла наклон почерка, начав укладывать буквы не направо, как всех учили в школе, а налево. Эту особенность она пронесла сквозь годы, богатые на события и людей, не изменив округлость и твердость небольших буковок, из которых уверенно вывязывала слова в редких письмах Еве.

Так Ева и вспоминала Марфу, всю ночь ворочаясь с боку на бок. Не заснув до утра, разбитая, совершенно несчастная, она стала ждать вечера. Была любимая погода Евы – шел дождь. Мерный стук дождя по оконному стеклу пытался убедить ее, что все еще наладится. Возможно. Возможно. Возможно.

Ева жила в одном из старых районов города, тихом и почти свободном от шумных торговых и бизнес-центров. До сих пор не облюбованный яппи или парвеню, район был застроен преимущественно доходными домами в стиле модерн. Как бы отделенный от остального города

небольшим каналом с одетыми в камень набережными, с тихими скверами и огражденными высоким, кованым кружевом дворами, в которых няни выгуливали детей в колясках и без, район соседствовал с парком. Этот огромный городской парк, давно запущенный, стал убежищем для попрошаек и нищих всех мастей.

Старинный собор, выстроенный из серого камня, навевал уныние и в самые солнечные дни. Когда-то он был частью женского монастыря, но, видимо, даже отказавшиеся от мирских утех девы не могли вынести удручающего существования, которое обещали эти мрачные, суровые стены. Казалось, могильный холод разливался от этого угловатого здания, стоявшего на границе между законом и волей, между детьми ночи и дня.

Ева смотрела из окна на вымокший и от этого еще более потемневший собор, на черную воду в канале и думала, что вот он, наверное, и есть конец ее спокойной жизни. До этого момента Ева не осознавала, насколько счастлива была вдали от шумной родни, их забот и волнений. Ей пришла мысль, что она, как и этот старый собор, пограничное создание, не принадлежащее ни ночи ни дню, ни жизни и ни смерти, – нейтральный наблюдатель.

Она проверила свой почтовый ящик, напрасно попыталась отработать присланные документы – очередное задание из конторы. Прочла несколько писем от людей, с самого начала их знакомства принявших как должное редкие ответы от Евы, еще более редкие звонки и уж совсем нечастые встречи с ней. Наконец, утомленная бессонной ночью, решила передохнуть, в надежде уснуть хоть ненадолго до приезда Виолы. Она зарылась поглубже под одеяло и, как ни странно, мгновенно провалилась в омут сна.

Что-то случилось – это она поняла сразу. Ева никогда раньше не замечала чужого присутствия в своем внутреннем пространстве – Дом, хотя и не изведанный до конца, имевший еще множество комнат и темных закоулков, всегда принадлежал только ей. До сих пор. Заглянув первым делом в Кабинет, Ева ужаснулась переменам. Белые стекла были разбиты, девственная чистота стен опорочена разводами и грязными потеками черной жижи, издающей непереносимое зловоние. И повсюду следы босой человеческой стопы и трехпалой птичьей лапы – пунктиром пересекающихся линий. Съжившись от страха, она стала искать дорогу обратно. Не узнавая изменившихся лестниц и коридоров, Ева все больше теряла контроль над собой.

Почти на грани истерики она вдруг набрела на доселе неизвестную территорию. Зайдя в первую же дверь, Ева оказалась в комнате, стены, пол и потолок которой были сделаны из зеркал. Слишком много зеркал – вспомнилось ей о ресторане, в котором она ужинала с Максом. Оглушительно хлопая крыльями и издавая отвратительное надрывное карканье, черным ворохом взметнулась ворона. Она беспорядочно бросалась по комнате от стены к стене, билась о зеркала, которые многократно умножали ее отражения, и, наконец, в последнем порыве, обезумев, бросилась к Еве. Девушка выплеснула крик, застрявший в горле, и мгновенно перенеслась в другое место.

С бешено бьющимся сердцем она очутилась в месте, которое хорошо знала. Комната Страха за много лет с последнего посещения не изменилась. Те же стены, выложенные из серого камня, от сырости поросшие зеленым мхом; тусклый свет, лениво сползающий сверху грязно-серой вязкой массой. В тишине отчетливо слышался размеренный звук капающей воды. Эхо торопливо улетало вверх по колодцу, как дым в трубу.

Остановившееся время замороженно разглядывало каждую каплю. Подождав немного, по опыту зная, насколько непонятным становится время в этой комнате (да и во всем Доме оно меняло свою сущность кардинально), Ева села на каменный пол, покрытый мягким ковром из толстого слоя пыли и мусора.

Ожидание затягивалось. Никогда раньше у Евы не получалось размышлять в этой комнате. Эта мысль пронзила ее, причинив почти физическую боль, девушку охватил уже не просто страх. Это был ледянящий душу ужас. Ева посмотрела вверх.

Заслонив свет, отбрасывая гигантские тени, оттуда, свесив головы над краем колодца, смотрели Марфа и Сеньора. Переглянувшись, они весело сверкнули глазами и кивнули друг другу, оскалив зубы в безумной улыбке. И тут, как будто только с их высочайшего разрешения, Ева проснулась.

Глава 5

Старый дом и его обитатели

Овонили в дверь. Бросив взгляд на часы, Ева поняла, что за ней приехала Виола. Медленно подняв руку ко лбу, она прикоснулась к холодной, влажной коже. Настойчивые звонки продолжались, к ним добавились трели телефона. Видимо, Виола теряла терпение.

– Боже, боже! Как ты меня испугала! Я уже думала, что ты куда-нибудь сбежала, лишь бы не ехать со мной сегодня, – локомотивом ворвалась в квартиру Виола. Она с упоением переживала ужас несбывшегося предположения. Наконец, оглядев бледную Еву, так и стоявшую в открытых дверях, Виола смягчилась: – Ну, не грусти ты так. Никто не будет доносить тебя или мучить. В конце концов, мы же все тебя любим. Честное слово, ты ведь не на каторгу и не в пыточную камеру идешь!

Они спустились к машине Виолы. Усевшись на заднем сиденье, Ева, под убаюкивающий щебет матери, стала смотреть на пролетающие мимо дома и улицы. Потрепанная, выдавшая виды старая машина Виолы, прытко рванув с места, катилась по мокрому городу в сторону залива.

Нежно любимый автомобиль носил уютное имя Шуша и был до отказа забит всевозможными вещами. Найти здесь можно было что угодно – от кашпо для ползучих домашних растений до пухлой аптечки, переполненной средствами от подагры, головной боли и других недугов. Среди разноцветных коробочек встречались даже непросроченные препараты.

Выудив из-под пакета с детскими игрушками («Для племянниц одной из подруг», – пояснила Виола) теплый плед, Ева укуталась в него и притихла в надежде ввести Виолу в заблуждение – вдруг та подумает, что Ева спит? Старые дома, потолпившись за окном, уступили место новостройкам. А вскоре зеленым потоком хлынули деревья, укутанные в пышные кусты, совсем недавно забурлившие пеной листья.

– ...Да ты меня не слушаешь совсем! И не притворяйся. – Виола, с опасностью для редкого загородного, но все же движения, обернулась к Еве.

Ева, не отреагировав, продолжала следить за дерганой картинкой, изо всех сил изображающей пленер.

– Ева, дорогая, – настолько проникновенным голосом произнесла Виола, что ее дочь, занятая своими тяжелыми мыслями, повернула к матери удивленное лицо, – если ты так не хочешь ехать, я отвезу тебя обратно домой. Скажу, что ты простудилась. У тебя и правда болезненный вид. Ты бледенькая! Дай-ка я потрогаю твой лоб. – Виола потянулась к дочери, маневрируя с риском для жизни и здоровья всех, кто находился в пределах видимости. Но, вовремя передумав, свернула на обочину и остановилась. – Я поворачиваю обратно, – решительно сказала она. – Тебе надо выпить горячего молока с медом. Так... – Виола наконец дотянулась до лба уворачивающейся Евы. – Детка! Да у тебя жар! Срочно в постель. Придется отменить уроки фортепиано – я посижу с тобой, пока не спадет температура. Надо пригласить доктора Вайса. Никогда не доверяла этим юным шарлатанам, а он старый друг семьи, еще в детстве лечил твою ангину. Милый старичок! Приглашал меня тут как-то на ужин, а я, жестокая, все еще думаю. Как все это удачно! Но как же бабушка?.. С другой стороны, моя дорогая, если ты так настроена против этой встречи, ничего хорошего не выйдет. И потом, если даже я не знаю, зачем тебя хотят видеть, что можно ожидать от старых переносок? Все что угодно, – уверенно заключила Виола и взглянула на Еву своими по-детски чистыми и ясными глазами, не утратившими с годами блеска и озорства.

Ева по-новому, более внимательно посмотрела на Виолу. Невозможно было представить, что истинный адепт семейных ценностей может пойти на поводу желаний не самой верной дочери клана.

– Ма, я хочу поехать! – И, немного подумав, добавила: – Меня Марфа просила.

– Тем более! – решительно сказала Виола, уверенная, что, раз не обошлось без Марфы, значит, дело и впрямь неприятное. От всего неприятного, некрасивого и грустного Виола старалась держаться подальше. – Скажем, что ты серьезно заболела. Или нет (еще накликаем беду!), скажем, что заболела я.

– Не глупи, ма. Едем, – скомандовала Ева.

Вздыхнув, Виола завела машину. Впрочем, покрутив настройку радиоприемника и найдя волну, передающую шлягеры прошлых лет, она довольно быстро повеселела и даже начала подпевать. Когда-то ей прочили карьеру опереточной дивы. Со своим нежным меццо-сопрано Виола и впрямь смогла бы развернуться на этом поприще, еще и сейчас привлекавшем ее блеском перьевых боа и лихо заломленными бутафорскими цилиндрами.

Но женщины в их семье не занимались такими низменными и недостойными благородного человека делами, как оперетта, цирк, профессиональное искусство и некоторые другие занятия (с течением времени список видоизменялся).

Во многом семейные традиции держались исключительно на авторитетах Александры и, разумеется, ее матери – старухи, по всей видимости, перешагнувшей столетний рубеж.

Обе обосновались в старом загородном доме, принадлежавшем семье с незапамятных времен. Дом стоял в глухой местности, вдали от деревень и курортов, у самой реки, окруженный, как старыми боевыми соратниками, столетними дубами и разлапистыми елями, которые подступали почти к самым стенам дома.

Дом когда-то был частью огромного поместья и принадлежал их прадеду. На его черно-белом фотопортрете, уже неоднократно восстановленном, можно было увидеть подтянутого, с длинными нафабранными усами щеголя в сюртуке и в блестящем на весеннем солнце цилиндре. Исполненный достоинства, он держал под уздцы иссиня-черного скакуна, с гордо изогнутой шеей и тонкими изящными ногами в белых носочках. Снимок был сделан на всемирной выставке в Париже, куда их прапрадед возил своих иноходцев, вообразив себя коннозаводчиком. С тех же времен остались заброшенные конюшни и барабанные столы для разминки лошадей. Мельница и заросший тиной прудик уже настолько отстранились от усадьбы, что могли считаться самостоятельными единицами окружающего пространства.

Жену их предок присмотрел такую же норовистую, как его чемпион Камо Грядеши. Увел из цыганского табора черноокою красавицу, заточил ее, гордую, в этой же усадьбе. Молодая, погрузив, так и не заплетя свои непокорные черные кудри, оставила это унылое место, то ли померев безвременно, то ли сбежав с конюхом. У некоторых девочек в семье до сих пор встречались то черный цыганский глаз, то вольный норов, а то и волна непокорных кудрей над загорелым упрямым лбом.

Прабабушка Евы была дочерью той цыганки – единственным отпрыском коннозаводчика, так и не женившегося больше ни на ком. Выросла девочка в пансионе, в далекой горной стране, среди озер и луговых трав, не выдавая никогда ни матери, ни отца, с головой ушедшего сначала в дела своего завода, а затем в перипетии большой политики, да так и сгинувшего на этом опасном поприще. На родном языке она до сих пор изъяснялась (по слухам) с сильным акцентом, может, из нежелания признавать эту страну своей родиной, а может, из природного кокетства, погубившего (опять же по слухам) немало высокопоставленных лиц при разных правительствах в первой половине прошлого века. Жили в семье легенды о несчастной и трагической любви, убитом солдате (вероятно, еще в Первую мировую, прикидывала Ева) и навеки разбитом девичьем сердце. Оттого, мол, и была так бессердечна бывшая роковая красавица, доводившаяся Еве прабабушкой.

Глава 6

Гроза

Нем ближе Виола с Евой подъезжали к резиденции Александры, тем сильнее шел дождь, начавшийся еще в городе. Весенняя гроза казалась разошедшейся не на шутку истеричкой. Шквалистый ветер налетал на деревья, бился в припадке, расшвыривая ветки, листья и все, что ему удавалось поднять с влажной земли.

Плети дождевых струй яростно хлестали землю и покорно склоненные кроны деревьев, отяжелевшие и разбухшие от впитанной воды. Машину пришлось бросить на произвол стихии, а самим, совершив рекордный забег, во время которого обе промокли до нитки, влететь в дом под сверкание молний и громовые раскаты.

Тетушка Фани, крещенная Епифанией, одна из бесцветных и вечных родственниц (нечто среднее между весталкой, горничной и компаньонкой), с деловитой суетливостью встретила их на пороге. Переодевшись и обсушив кое-как волосы, мать с дочерью выпили горячего пунша, приготовленного по старинному семейному рецепту, знакомому каждой представительнице семьи еще с детских простуд.

Огонь в печке, выложенной голубыми изразцовыми плитками, весело прыгал по дровам, радуясь, казалось, столь редким теперь гостям. Пахло булочками с корицей, ромом и еще чем-то невозможно родным и знакомым настолько, что у Евы слезы подступили к глазам. Даже Виола стала непривычно спокойной и умиротворенной, погрузившись в сладкие воспоминания детства и юности.

Старые часы с маятником и чугунными гирьками пробили четверть десятого. Фани вся в старомодных кружевах, упорхнула в коридор, соединяющий дом с отдельно стоявшим флигельком – владением Александры, а затем, вернувшись, торжественно кивнула Еве.

В полной тишине отчетливо тикали часы и шелкали дрова в печке. Виола вскочила, чтобы ободряюще и с некоторой завистью пожать ледяную руку дочери. И Ева пошла к Александре.

Миновав чистилище холодного коридора, освещенного лишь вспышками молний, Ева очутилась в «святая святых» – апартаментах бабушки. Здесь тоже горел камин, электричество не включали не только из-за грозы, но, как подозревала Ева, и для пушного драматического эффекта. Она вспомнила, как любили здесь устраивать всевозможные театрализованные праздники и маскарады, и все, что происходило теперь, ей вдруг тоже показалось какой-то игрой, спектаклем – и пунш, приготовленный Хароном в кружевах, и этот проход по холодному коридору. Вспомнился звонок Марфы – чем не пение сирен?

Глубоко вздохнув, Ева трясущейся рукой прикрыла за собой дубовые, тяжелые, как крышка гроба, двери.

– Здравствуй, здравствуй, детка. Извини, что так поздно пригласили тебя, но нам, старикам, так мало и плохо спится, что мы иногда и сами не понимаем, которое теперь время суток и который час.

Хриплый и сухой, как солома в засушенных букетах Фани, голос Александры отчетливо раздавался в полумраке этой кажущейся огромной из-за плохого освещения комнате. Массивный, темного дерева, шкаф старинным бригом дрейфовал на волнах скудного света, отбрасываемого всполохами каминного огня. Непогода не пробивалась сквозь тяжелые бархатные шторы, с каменным спокойствием закрывшие оконные проемы.

Александра сидела в кресле с высокой спинкой, укутав колени старым пледом, поверх которого положила сомкнутые руки. Абсолютно седые волосы с прямым пробором туго бинтовали некрупный череп. Тонкая кожа на лбу, изрезанном морщинами, в свете огня казалась золотой.

На удивление хорошо сохранившаяся, с гладкими скулами, тонкими губами и аккуратным носиком, Александра была похожа скорее на добрую фею, чем на злую колдунью, которой пугали всех непослушных девочек их семьи.

– Присаживайся, моя милая. – Она указала Еве на кресло, стоявшее напротив нее. – Вы с Виолой успели добраться сюда до грозы?

– Спасибо, да, – настороженно ответила Ева, не зная в точности, как она должна обращаться к Александре, ну не Ваше же Величество, в самом деле?! Хотя, по чести говоря, именно такими она себе и представляла вдовствующих королев.

Еще на фотографиях, развешанных по всему дому и изученных Евой в детстве, она обратила внимание на эту характерную черту. Была в Александре и тех, кто ей предшествовал, черта редкая для представительниц среднего класса, коими, строго говоря, они все и были. Внутренняя горделивость проявлялась и в осанке, и в посадке головы, и в открытом, спокойном взгляде.

– Дорогуша, видеть я тебя хотела по делу важному, но несколько странному. Сразу прошу тебя, говори все что думаешь, все что знаешь. Возможно, от твоих ответов зависит жизнь нашей семьи. И ничего не бойся, верь мне.

Ничего себе начало. Что же дальше-то будет? Но тихий и спокойный голос бабушки оказал успокаивающее действие, объяснить которое, впрочем, можно было и пуншем. Дрова в камине потрескивали, и все более и более явным становилось присутствие чего-то или кого-то третьего в этой комнате.

– Я вас внимательно слушаю. Отвечать или не отвечать, я уж сама решу, – Еве порядком надоели все эти приготовления неизвестно к чему.

Грубить она не собиралась, просто весь этот день чувствовала себя нелучшим образом, а после кошмарного сновидения – совсем разбитой и больной. Сидя в кресле напротив этого непонятного (Ева никогда не видела ни строчки, написанной рукой Александры) человека, который усложнял и все больше запутывал такое ясное до сих пор пространство вокруг Евы, она чувствовала все возрастающее напряжение.

– Конечно, конечно, – удовлетворенно ответила Александра, не обратив внимания на строптивные нотки в голосе своей упрямой внучки. – Скажи мне, с тобой не случилось ничего плохого?

Ева, ошеломленная таким вопросом, молча уставилась на бабушку. Ей вдруг нестерпимо захотелось рассказать о своем недавнем кошмаре. Появилась нелепая надежда, что Александра одним словом, или прикосновением, или взмахом волшебной палочки (чем там еще орудуют феи?) вдруг все расставит по местам.

В этой обстановке и при этом освещении надежда не казалась такой уж нелепой. Говорили же, что цыганка оставила своим потомкам не только упрямство да черные кудри! Встряхнув головой, как будто отметая дикие предположения, Ева еще раз внимательно посмотрела на старуху. Может быть, она просто лишилась рассудка от старости? А все тетки, толпящиеся вокруг, настолько запуганы, что боятся признать это?

– Нет, дорогая моя, со мной все в порядке. Уверю, что это ты нуждаешься в моей помощи. – Ясные глаза смотрели прямо и печально. – Наверное, придется все-таки кое-что прояснить, – с обреченной покорностью сказала Александра, глядя теперь уже куда-то в сторону.

Проследив за направлением ее взгляда, Ева попыталась хоть что-то рассмотреть в сумраке, сгущавшемся до полнейшей черноты почти сразу за пределами пространства, освещенного пламенем камина. В этой темноте началось шевеление. С шелестом летучей мыши и беззвучной плавностью тени к ним подъехало нечто, в неясном свете пламени в первую секунду показавшееся горным троллем.

Придя в себя от изумления, Ева пригляделась и наконец увидела на инвалидном кресле самой последней конструкции – чем, видимо, и объяснялось бесшумное движение – древнюю старушку. Сухонькую, с пушистой короной серебряных волос и также укутанную в плед. Вид у нее был настолько благообразный, что он пристал бы скорее средневековой кармелитке, канонизированной при жизни, чем существу, проживающему пусть и в старом доме, пусть и в заброшенной местности, но все же в наше время!

Кожа на ее доброжелательном личике была густо усеяна морщинками, такими мелкими и частыми, что напоминала гофрированную бумагу, из которой Ева в детстве делала цветы. Удивительно темные губы, скорее сизого цвета (в этом освещении ничего точно сказать было невозможно), и еще более поразительные глаза. На лице этого существа, более всего напоминавшего черепаху, сияли совершенно ясные и молодые глаза.

– Да уш, придется, – с легким, но вполне заметным акцентом сказала прабабушка. – Видишь ли, девотшка, наша семья не совсем обитшная. – Это было сказано так торжественно, что сразу становилось понятно – речь идет о редкой добродетели.

– Не все об этом знают, – продолжала уже Александра. Эти двое создавали впечатление, будто они все время переговариваются на частотах, неслышных человеческому уху, – но наша далекая предшественница была не просто цыганкой. В своем таборе она исполняла обязанности медиума, была чем-то вроде амулета. Вот почему ее не отпускали родные, и твоему прапрадеду пришлось украсть ее. При этом пострадал отец девушки. Собственно говоря, его убили. Кроме того, что этот поступок и сам по себе не самый поощряемый законами человеческими и божескими, он еще и последствия имел, касающиеся всей нашей семьи на протяжении дальнейших лет. Умирая, цыган проклял свою дочь. А родительское проклятье самое сильное, ни смягчить, ни избавиться от него невозможно...

Александра, загрузив о том далеком страшном эпизоде в истории семьи, помолчала. Ева слушала затаив дыхание. Некоторые факты этой истории были известны и ей, и многим другим ее родственницам и являлись частью большого багажа легенд, обременяющего всякую семью, а их – особенно. Но ей был непонятен и неприятен тот мистический подтекст, который пыталась обнародовать Александра.

– Да, так вот. Из-за той истории в нашей семье и рождаются только девочки. Но это еще не все. На пятом поколении история нашей семьи должна прекратиться – все девочки погибнут. Как гласит проклятие, ты и твои сестры должны стать последними в роду.

– Но постойте! – Ева встряхнула головой, раздраженная тем, что вынуждена выслушивать всю эту чепуху – А как же Коко, дочь Марфы? Она ведь представительница следующего поколения. Значит, все в порядке, проклятье не сработало!

– Увы, бедный ребенок совсем болен... Мы старались держать это в тайне, Марфа, бедняжка, еще надеялась, что ее можно спасти. Медицина, – грустно усмехнулась Александра, – химия, наука... Но, к сожалению, даже нам с этим уже не справиться. Дело в том, что некоторое время назад в нашей семье появилось нечто, что как магнит притягивает зло. Маяк, на темный свет которого к нам идут все беды. Это и есть сердце воронки, в которую затягивает всех нас. И, несмотря на все наши усилия, зло подбирается все ближе и ближе. Этот центр – ты, – Александра внимательно посмотрела на Еву, – или то, что принадлежит тебе.

Ева молчала. Даже если во всем, что она сейчас услышала, была хоть крупица смысла, непонятно, что именно хотели от нее узнать старые ведьмы. И что именно не так с малышкой Коко, Ева понять не могла. Да, конечно, обстоятельства рождения были печальными, но сейчас-то все в порядке! Она вспомнила, как последний раз видела обеих – Марфу и Коко.

Это было совсем недавно, на Рождество. Общий семейный праздник в этом самом доме. Веселье, огромная елка, украшенная старинными игрушками. Женщины, представительницы почти всех поколений, пожилые и очень старые, молодые и совсем еще юные. Девочки шумно носились по комнатам, уплетая шоколадное печенье – визитную карточку тетушки Фани, боль-

шой мастерицы в кондитерском деле, – и в нетерпении поглядывая на горы подарочных коробок под елкой.

Марфа, как всегда в центре внимания, как всегда шокирующая своим нарядом, повергающая тетушек в транс последними приобретениями во взглядах на моду, религию, политику и искусство. И Коко непременно рядом. Необычайно живой ребенок, полная сил девочка, ни на минуту не останавливающийся моторчик.

«Коко! Где ты это взяла? – внушительным тоном наставляла ее мать. – Это опасно, Клотильда, положи, пожалуйста, на место!» Но Коко вновь бежала за кистями, красками, монетами из коллекции тетушки Алисы, елочными игрушками с веток, до которых могла дотянуться, и содержимым безжалостно распотрошенной аптечки одной из родственниц. Никто не в состоянии был уследить за ней, казалось, она была сразу везде, будто маленьких Коко было несколько десятков!

Подумать, что с ними, Марфой и Коко, что-то не так, было просто невозможно. Обе были веселы и вполне довольны праздником. И что такого ужасного могло произойти в последнее время с самой Евой, что, по словам старух, должно привести к неминуемой трагедии в их семье? Нет, решительно ничего не понятно. Какой центр притяжения? Какого зла?!

– Я не помню никаких особенных происшествий. Если я могу чем-то помочь Марфе, так и скажите. Я готова сделать все от меня зависящее, честное слово! – совсем уже по-детски воскликнула Ева. – Скажите хотя бы, что с ними не так? Чем больна Клотильда? Почему это надо было скрывать? Может быть, наоборот, сообща семья решила бы проблему!

Уставшая, встревоженная Ева вскочила с кресла и подошла к камину. Зябко поежившись, она подбросила дров в почти потухший огонь, разворошив золу кочергой с ручкой в виде лошадиной головы. Повернувшись к обеим родственницам, следившим за каждым ее движением, Ева покачала головой. Ей стало жалко этих старых женщин. Но что именно они хотели от нее получить, Ева и сама не знала.

– Глупый, глупый маленький девотшка! В помощчи нуждаешься именно ты. Тебе мы и хотели помочь. – Прабабушка наклонилась вперед, будто и впрямь пытаясь поддержать Еву.

– Да. Ты оказалась права, – обращаясь к своей матери, сказала Александра. – Мы ничем не помогли бедной девочке. А я так надеялась разрешить все это сегодня! Видно, от судьбы действительно не уйдешь. Можешь быть свободна, Ева. Ступай к Виоле, я с ней сегодня уже не увижусь. Останьтесь на ночлег – гроза уже прошла, но ваши дела могут подождать до утра, не так ли? Береги себя, детка. Будь сильной! – И Александра поцеловала в лоб послушно склонившуюся к ней Еву, потрепав девушку по щеке сухой и теплой ладонью.

– Люди притягивают людей. Вещи притягивают вещи. Подобное притягивается подобным, – удивила напоследок загадочной фразой прабабушка. И тоже поцеловала Еву.

Покидая комнату, Ева оглянулась. Обе старушки пристально смотрели ей вслед. Возвращаясь знакомой анфиладой с темными окнами, Ева обратила внимание на то, что гроза действительно прошла. Даже дождь, лившийся то тише, то сильнее весь предыдущий день, и тот прекратился вовсе. На ночном небе, в окружении сверкающих как новенькие звезд, висела полная луна. Казалось, уже начинает всходить солнце – настолько светло было снаружи.

Виола сидела как на иголках. За прошедшие полчаса – аудиенция (а по ощущениям Евы – аутодафе²) вряд ли длилась дольше – Виола успела накрутить себя так, что от нее чуть искры не сыпались.

---

² В Средние века в Испании, Португалии и их колониях – торжественное объявление приговора инквизиционного суда, сопровождавшееся, в большинстве случаев, возвращением покаявшихся еретиков в лоно церкви или их наказанием, в том числе «казнью без пролития крови», – часто это было сожжение осужденных.

– Ева, дорогая моя! – схватив дочь за руки, воскликнула Виола. – Как все прошло? Тебя не огорчили? Ты совсем устала и еще сильнее побледнела! Все же надо тебе молока с медом, и в постель. Фани, пожалуйста, согрей молоко, я принесу мед.

– Мам! Не надо никакого молока, я себя нормально чувствую. Тетя Фани, оставьте вы свои кастрюльки. Пойдемте спать уже, наконец, если мы не собираемся возвращаться сегодня. – Ева на всякий случай обернулась к Виоле: вдруг та решится ехать в город сегодня же?

– Да-да-да! Спать. Фани отвела нам комнату, я уже постелила, просто решила дожидаться тебя. Ты ведь не возражаешь, если мы будем спать в одной спальне? – скорее утвердительно, чем вопросительно, добавила Виола.

Глава 7

Голландец и селедка

Оцепенев от усталости, Ева забылась сном, как только ее тяжелая, без единой мысли, голова коснулась накрахмаленной наволочки. Лишенный сновидений ночной отдых все же оказал благотворное действие и на нее, и на погоду. Яркое загородное утро, умытое ночной грозой, встретило Еву на пороге нового дня, создав иллюзию, что, может быть, все и обойдется. Возможно, все ночные кошмары ушли бесследно вместе с непогодой.

Впрочем, вчерашняя буря оставила свой знак. Свалило ветром дерево у самого края поляны перед домом. Это уродливое зрелище предстало притихшим женщинам, вышедшим к завтраку в теплую уютную кухню. Свежий, сливочного цвета разлом древесины контрастировал своей чистотой с мокрой черной корой. Поверженный гигант смотрелся до ужаса неестественно, как вывернутый не в ту сторону сустав ноги. Крона, которой уже не суждено было, вылиняв под летними солнцами, утратить свой свежий и сочный зеленый цвет, лежала на земле.

Виола и Фани зашебетали, обмениваясь рецептами крыжовенного варенья, обсуждая вчерашнюю бурю и делая прогнозы на дальнейшую погоду, столь долгосрочные, сколь и малообоснованные. Фани, как всегда деятельная и суетливая, счастливо лишена была способности унывать. Да и Виола тоже никогда не поддавалась дурным или грустным мыслям, стараясь как можно быстрее переступить через неприятности, как через досадное препятствие, и таким же бодрым шагом идти дальше.

Ева, не чувствуя себя особенно отдохнувшей, старалась хотя бы не портить окружающим настроение, тем более что Фани с Виолой, казалось, только и мечтали, как бы она съела еще один оладушек или ложечку варенья или выпила еще одну чашечку кофе. Они чуть не квохтали над «бедным ребенком», вероятно испуганным непогодой и уж точно уставшим от вчерашней дороги, да и вообще утомленным от бешеного ритма городской жизни, из-за которой, по мнению Фани, и происходят все неприятности, включая вчерашнюю бурю.

По поводу вреда, наносимого городской жизнью, Виола была в корне не согласна с Фани. Но во всем остальном они с ней хорошо спелись. И если бы Ева не встала из-за стола, объявив, что вот прямо сейчас лопнет и что пора бы выдвигаться, Виола с Фани прописали бы ей незапланированный отпуск в деревне.

Разместив в Шуше еще несколько корзин с банками варенья, домашним печеньем и десятком-другим вязаных с большой фантазией носочков, Ева, почти погребенная под всеми этими богатствами, удовлетворенно вздохнула, когда услышала долгожданное почихивание, а затем и ровный гул мотора.

Машина, выехав с деревенской грунтовой дороги на блестящий под ярким утренним солнцем асфальт, покатила обратно в город. Все предыдущие события, включая грозу и странный разговор с двумя полумифическими существами, казались в это светлое утро продолжением ужасного кошмара, привидевшегося Еве накануне.

Этот страшный сон все никак не отпускал ее. Казалось, темная тень нависала над Евой, сдавливая ребра, не позволяя вздохнуть полной грудью и спокойно подумать о вчерашнем странном разговоре. Как ни вымучивала она из себя более или менее рациональные объяснения словам прабабки, ничего путного в голову не приходило. Единственное, что Ева решила твердо, – это встретиться и поговорить с Марфой. Но об этом решении она умолчала, когда Виола, подвезя к дому Еву, спросила, что произошло в бабкином флигеле и что Ева собирается предпринять.

– Ничего особенного, ма. Ты не волнуйся, все в порядке. Просто они... Да, в общем, ничего важного они и не сказали. Почудилось что-то нашим старушкам, вот они и разволнова-

лись. Рассказали мне старую семейную сказку... Тебе-то уж точно известна эта древняя история про цыганку.

– Все же странно как-то, что они заставили тебя приехать лично для того только, чтобы рассказать эту историю, – пробормотала Виола. – Они действительно ничего больше не говорили? – требовательно и недоверчиво взглянула она на дочь.

– Просили побережься. А от чего – не сказали. Но все это и в самом деле несерьезно. Очень уж они старенькие. Прабабушке, если не ошибаюсь, уже больше ста лет. Кстати, сколько ей теперь?

– От чего побережься? – не слушая уже Еву, глубоко задумалась Виола, но тут же встрепенулась, будто отгоняя мысли, толпой осаждавшие ее. Она потянулась, чтобы запечатлеть родительский поцелуй на щеке Евы (ритуал, которого та всеми силами избегала с тех пор, как помнила себя). – Накаркают еще, старые вороны! Не обращай особого внимания, дорогая. Но все же будь осторожна!

– Подожди-ка... Постой, ма, как ты сказала – ворона? – побледнела Ева.

– Ну все, солнышко, я полетела дальше. Звони мне почаще, пожалуйста. Хотя бы просто – звони, – Виола вновь проигнорировала вопрос Евы и, оставив дочь у подъезда, укатила, подпевая своему любимому артисту, давно пропахшему нафталином и не забытому только самыми большими его поклонниками.

– Что, красавица, помочь тебе? Тяжелая, наверное, корзинка-то! – Трескучий голос вывел Еву из ступора.

Оглянувшись, она увидела одного из местных нищих, с невыразимым достоинством носившего географическое имя Голландец. Возможно, конечно, его занесло сюда именно из Голландии, но Ева сильно в этом сомневалась. Его экзотическая физиономия особенно примелькалась жителям дома, ближайшего к собору, хотя подобных персонажей проходило здесь – со стороны парка по утрам и обратно ближе к ночи – множество. Немыслимое драное кашне обернулось вокруг шеи попрошайки не один раз. Нечесанные и, уж конечно, невымытые космы на его голове сваялись в подобие вороньего гнезда. Неопределенного возраста загорелое в черное лицо было к тому же щедро измазано грязью и чем-то еще, о происхождении чего Ева не могла подумать без тошноты. Физиономию не облагораживала даже седая борода, лохмотьями развевающаяся по ветру. Выцветший до неопределенного цвета плащ тоже не отличался чистотой, стоптанные рваные кроссовки дополняли убогое зрелище.

Кроме внешности и сногшибательного запаха, Голландец обращал на себя внимание еще и тем, что имел свое собственное домашнее, вернее карманное, животное. Неясной породы почти лысая собачка проживала в одном из его оттопыренных карманов. Этот зверь по кличке Селедка был постоянным спутником Голландца. Ева чуть не вскрикнула, когда несчастное создание высунуло наружу свою голую и худую мордочку с вызывающим чубчиком между великоватых ушей.

Инстинктивно отшатнувшись, Ева сообразила, что Голландец обращается к ней, имея в виду гостинцы Фани. Не проронив ни слова, Ева протянула корзину нищему, а сама стремительно скрылась в доме. Ей уже не терпелось оказаться в знакомой обстановке, рядом со своей картотекой, где все было ясно и просто и где не существовало даже намека на колдовство, магию или иную потустороннюю дребедень.

Глава 8

Отпуск по семейным обстоятельствам

Оставив за порогом весеннее утро, Ева зашла в свою квартиру и, не раздеваясь, набрала телефонный номер Марфы, рискуя разбудить сестру.

– Алло! – бодро ответили на том конце со второго же гудка. Оказалось, Марфа просто еще и не ложилась.

Она, судя по голосу, рада была слышать Еву и, не спрашивая, сразу согласилась встретиться вечером в одном из кафе на центральной улице, недалеко от дома, в котором жила.

Пусть и не добившись пока ясности, но уже имея четко определенные планы хотя бы на этот вечер, Ева слегка расслабилась. Захватив кое-какие документы, она отправилась на работу. Работала Ева чаще всего дома и в своей фирме появлялась только по вызову или при необходимости воспользоваться богатейшим архивом их компании. Но сегодня она направлялась туда по личным причинам. Ей крайне необходима была передышка. Она чувствовала себя не в состоянии для одновременного решения проблем семейных и профессиональных и, вместо того чтобы заняться служебными обязанностями, а значит, еще раз побывать в своем Доме и увидеть безумную ворону, малодушно решила окунуться в трясину мистики и семейных проклятий.

Фирма, в которой работала Ева, занимала этаж в огромном бизнес-центре, в престижнейшем районе, занятом, по большей части, государственными учреждениями, театрами и дорогими магазинами. Вычищенная и отреставрированная часть города была его лицом и визитной карточкой, а потому не обделялась вниманием властей. Всего здесь было в избытке—и персонала, постоянно занятого уборкой улиц, и парковых служащих, вовремя высаживающих соответствующие сезону растения на ухоженных газонах, и людей, следящих за правопорядком и спокойствием состоятельных горожан, приезжающих в этот район для работы и развлечений.

Забежав ненадолго в отдел по персоналу, Ева известила, что берет две недели отпуска за свой счет. Причину назвала личной и, клятвенно пообещав все же быть на связи, уже собиралась улизнуть из офиса, когда перед архивом столкнулась со своим координатором. Строго говоря, первым о незапланированном отпуске должен был узнать именно он. Но Ева, верная своему решению избегать личных встреч с ним, надеялась отделаться электронным письмом.

– Добрый день. Я как раз хотел поговорить с вами. Давайте зайдём в архив.

«У таких людей все происходит *как раз* так, как им надо, – подумалось Еве, – а этот ведет себя так, будто вся окружающая реальность смоделирована именно для его удобства».

– Я вас слушаю, – холодно произнесла она, пройдя вслед за ним в архивный отдел и покосившись на архивариуса, круглую, невысокую женщину, имя которой все время выскальзывало из головы. Отставая на два шага, Ева шла за Максом между длинными рядами высоких стеллажей, заставленных пронумерованными коробками. Архивариус, женщина чересчур активная, обладавшая крупным, красивым почерком глуповатого, но незлобивого человека, с любопытством проводила их глазами и вернулась к телефонному разговору с одной из своих многочисленных приятельниц.

Пройдя достаточно, чтобы их уже не было слышно, Макс завернул в отдел исторических документов. Удивленная и несколько заинтригованная, Ева выжидающе молчала, пока он отыскивал нужную коробку.

– Я провел небольшое расследование. Кое-что обнаружил, – и, заметив наконец, что его спутница ничего не понимает, несколько раздраженно напомнил: – Меню в ресторане. Французский документ ориентировочно конца XVIII века. Вспомнили?

– Да... – и уже более твердо: – Да. Но видите ли, в чем дело...

– Это действительно интересно. Хотя и не входит в ваши служебные обязанности, но руководство поощряет любые разработки подобных тем и в качестве лабораторных работ, и как уточнение архивных данных – в общем, я проведу это как очередное задание для вас. Все как обычно...

– Нет, я не могу, – решительно перебила его Ева. – Я, *тоже как раз*, хотела сообщить вам, что беру отпуск. На две недели, по семейным обстоятельствам.

Макс, явно озадаченный, внимательно посмотрел Еве в глаза.

– Насколько я в курсе, координатор должен визировать прошения об отпуске, – без выражения сказал он.

– Отпуск по личным причинам. Дело срочное. В отделе по персоналу я заполнила специальную форму. Все текущие отчеты я уже отослала электронным письмом, – и, слегка замаявшись, добавила: – Извините.

– Помощь нужна? – теперь уже озабоченно спросил Макс.

– Спасибо, нет. – Ева не знала, что еще сказать. Уйти просто так ей было неловко, а он все стоял и смотрел на нее, держа в руках забытые документы. – Я, собственно, только на минуту, уладить формальности. До свидания?

– Да-да, – медленно произнес он. Но, словно вернувшись в действительность, уже поделовому добавил: – Документы все же возьмите с собой, вдруг найдете время. Все равно это дело никому другому не дадут. Архивную заявку я оформлю сам. Звоните, – и, отдав Еве папку, задумчиво проследил, как она удаляется по сумрачным проходам между стеллажами.

Этот неприятный, но короткий инцидент ничуть Еву не задержал. Он лишь оставил досадное чувство, что она кого-то обманула или подвела.

Вся ее жизнь, казалось, летела под откос. Неумолимое движение чего-то огромного и страшного увлекло ее за собой и потащило в неизмеримые глубины холодного, мрачного и чужого мира. Ева чувствовала, что лишилась опоры, что земля, как палуба накренившегося корабля, ускользает из-под ног и что ничто уже не будет таким, как прежняя жизнь, – корабль не выправится, а перевернется и уйдет в пучину. Покорно принимая, как истинная фаталистка, перемены, даже чересчур похожие на катастрофу, Ева только обреченно изумлялась, как это все так одновременно – и с Домом, и с родными...

Подойдя к зеркальной стене лифта, она посмотрела на себя. Зрелище скорее удручало. На нее смотрела Ева, чуть более взъерошенная, чем обычно, с потерянными глазами и напряженной, горестной складкой у губ. Отраженная теплой бронзой девушка стремительно и плавно падала с неба в золотистых облаках в темное ущелье улицы. Поток людей подхватил ее и понес в сторону дома. Ее потерянное лицо напоминало лепесток на черной мокрой ветке.

Глава 9

Марфа просит

До встречи с Марфой было еще около двух часов. Можно было бы ознакомиться с документами и поработать, но Ева слишком живо помнила, как выглядел ее Кабинет в том кошмаре, и страшилась убедиться, что там ничего не изменилось к лучшему. Отпуск она взяла по этой же причине. Ее терзала мучительная мысль, что больше никогда уже она не сможет видеть людей через их почерк. Все аналитические способности, знания и профессиональные навыки остались при ней. Но больше никогда не листать ей документы как фотоальбомы, не беседовать с портретами людей – а без этого стоит ли ей заниматься прежним делом вообще?

Размышляя над тем, как ей теперь жить дальше, Ева прослонялась по своей квартире, каждый раз упираясь лбом в отчаяние как в стену, не заметив, как подошло время для назначенной встречи с Марфой. Непривычно рассеянная, она брела по городу, прокручивая в голове варианты далеко не радужных перспектив.

Ева вспомнила, как однажды, сломав ногу, испытывая страшную боль, она пыталась рационально объяснить ее, уложить как-то в голове это незнакомое состояние. Тогда, преодолевая тошноту и головокружение, ей все же удалось подавить приступ панического ужаса, восстановить дыхание и отделить боль от остального тела, оставив ей на съедение только разбитое колено. Все когда-нибудь заканчивается, и плохое, и хорошее. Все, что можно пережить, она переживет. А если пережить невозможно – что ж, значит, жить она уже не будет. «Если человек не хочет чего знать – то этого и не существует. А если хочет знать – то оно существует», – вспомнила Ева Сфинкса с Эдипом.

Ева попыталась посмотреть на себя со стороны, это всегда помогало ей избегать глупостей и пошлостей. Быть глупой и пошлой она боялась больше всего на свете... Больше боли. Больше смерти, которая как таковая для нее не существовала. Путем логических выкладок Ева давно уж установила, что, поскольку жизнь и смерть не совместимы, значит, пока она жива – смерти нет, а когда умрет, уже и не будет.

Философствуя, она дошла кружным путем до кафе, в котором должна была встретиться с сестрой. Приготовилась ждать (та имела обыкновение везде и всюду опаздывать). Но, когда Ева уже толкала тяжелые стеклянные двери, ее радостно окликнули. Обернувшись, она увидела Марфу рядом с Алексом, ее мужем, у которого на руках с чувством собственного достоинства восседала Коко.

Тяжело вздохнув, Ева соорудила приветливое лицо и подошла к ним.

– Здорово, сестренка! – кинулась на шею Марфа. – Сейчас Алекс пойдет дальше Коко выгуливать, – пояснила она Еве и, обращаясь уже к мужу: – Только недолго, не забудь, скоро восемь, ей пора уже давать. Покорми ее перед этим, – строго инструктировала Марфа.

Алекс выслушал жену («Какое странное сочетание, – подумала Ева. – Марфа, и вдруг жена!»), нежно обхватив одной ладонью крохотную спинку дочери. Он, прищурившись, взирал на свою маленькую жену, которая, как фейерверк, искрилась заботой и нескрываемой любовью. Все втроем так гармонично сочетались, что, словно части головоломки, складывались в цельную, живую картинку.

– Ну ладно, идите уже! – благословила Марфа своих и потащила кухню в кафе. – Не знаю, радоваться или грустить, что теперь у Алекса много работы. Хорошо, конечно, когда есть деньги. Но мы его почти не видим.

Заняв столик подальше от посторонних глаз, в полутемном зале кафе, сестры для начала поболтали о всяких пустяках. Даже Марфа чувствовала себя несколько скованно и, что было для нее редкостью, не всегда находила тему для разговора. Наконец повисло тягостное молча-

ние, гладкое атласное полотно, подсвеченное с изнанки негромкой музыкой и ровным гулом публики, набившейся в кафе.

– Съездила я в дом, – неловко приступила Ева. – Ты совсем ничего не можешь мне прояснить? Ну, там, рассказать о себе, например.

– А вы обо мне говорили? – подняла бровь Марфа.

– Мне показалось, что у тебя проблемы.

– И большие. Коко серьезно больна. Я не говорила тебе, прости, – Марфа виновато покосилась на Еву – Следствие преждевременных родов после аварии. Тот ублюдок даже не остановился, так и поехал дальше. – Марфа стукнула по столу кулаком так, что чашки задребезжали. – Самое страшное, что болезнь сопровождается эпилептическими припадками. Сначала они повторялись редко, но частота все увеличивается. Это разрушает Коко. Ты не представляешь, каково это, когда у тебя на руках твой ребенок в конвульсиях умирает от боли... Неизлечимо. Вот так, – Марфа вздохнула. – Все из-за той проклятой машины. И это на следующий день после того, что случилось с Лени, – как тут не поверить в цыганское проклятье?

Ева, совершенно убитая, старалась не показывать вида, насколько расстроила ее эта новость. Она лихорадочно вспоминала все свои встречи с Коко и Марфой. Ну да, кормили постоянно лекарствами, строго по расписанию. Но мало ли как надо ухаживать за детьми?

У нее вообще с детьми складывались не самые лучшие отношения. Вернее, решительно никак не складывались. Обращаться с ними она не умела, а если уж откровенно – то панически боялась. С теми, кто уже понимал человеческую речь, она разговаривала на «вы», без намека на сюсюканье, которое, считала оскорбительным для кого бы то ни было, даже для голубей и слабоумных. Мучительно опасаясь нечаянно причинить малейший вред этим непостижимым созданиям, она предпочитала натянуто улыбаться, на расстоянии разделяя восхищение родителей своими чадами.

– Ну не шокируйся ты так! – бодро улыбнулась Марфа. – Теперь ты понимаешь, что я пережила. Ты знала про аварию, сложные роды... Про остальное знают только бабушки. И, пожалуйста, не предлагай никакой помощи. Заболевание неизлечимо. Все. Не надо внушать себе, что это проблема разрешима *обычным* способом. А страдать по поводу несбыточных надежд – это уже пройденный этап.

Слова Марфы ввергли Еву в пучину стыда за свой эгоизм и самоустранение от семейных дел. Легко, разумеется, жить, редко встречаясь, демонстрируя свое равнодушие к семье, и не зная, что с ними случилась беда. Не в стремлении ли жить легко крылась истинная причина отторжения кровных уз Евой? Осознание этого факта доставило ей не самые приятные ощущения. К чувству стыда примешивалась тревога.

– Не понимаю, почему бабушки решили, что я могу помочь? Они даже намекали, что я виновата...

– Вполне возможно. – Марфа, устало вздохнула. – Я знаю, как ты относишься к оккультизму и вообще мистике, но я-то верю. И снам, и карточным гаданьям, и еще много чему другому. Кстати, ты мне снилась. Очень, очень плохой сон – настолько, что я рассказала его текущей воде и попросила ее забрать сон с собой.

Ева задумалась, смогла бы она рассказать свой кошмар текущей воде? Марфа продолжала:

– Всегда увлекалась мистикой, ты же помнишь. Для меня все это вполне реально. И то, что говорят наши старушки, тоже. Они считают, что у тебя оказалась вещь, энергетически очень сильная, центр притяжения зла. Многие события в нашей семье произошли именно из-за этого предмета. Не буду тебе перечислять, почти все тебе известны, может, и не в подробностях, но известны. Лара не в обычной санатории сейчас пребывает. Лени в пруду не просто утонула. Да много чего еще. Болезнь Коко из этого же ряда.

– Не знаю, о чем речь. О каком предмете ты говоришь? Никакого философского камня, мумифицированной руки повешенного или африканской маски шамана у меня в доме нет. Ничего такого я не находила.

– Этот предмет рядом с тобой, совсем близко. Может, в твоей квартире? Возможно, ты просто не обращаешь на него внимания. Может, это совсем обычная вещь: шарф, картина, ваза – все что угодно. Это могли тебе подарить, или ты могла его сама найти. Подумай, – настаивала Марфа. – Это ведь моя дочь, маленькая Коко, помнишь? Я во что угодно поверила бы, если бы от этого зависела жизнь моих родных. Ну, сделай усилие, ради меня!

– Да стараюсь! Я очень хочу помочь, но чем? Никаких подарков. У нас в конторе дарить подарки не принято, – немного замаявшись, Ева все же продолжила: – Вазы, коврики – это к Виоле, пожалуйста, в моем доме нет ничего... для дизайна. Ты сама можешь прийти и посмотреть.

До сих пор Марфа у нее не бывала. Ева не приглашала, но никто особенно и не настаивал прийти к ней в гости, к ее огромному облегчению, надо признать.

Девушка растерянно смотрела на Марфу. Только сейчас она вдруг осознала, насколько одинока и нелюдима. До сих пор она пребывала в наивной уверенности, что является совершенно нормальным человеком. Какой жалкий лепет, какие неллицеприятные признания. День открытий. Родственники не понимали ее, сестра, близкий по духу человек, скрывала самое важное в своей жизни. Дом, ее милый дом, со стороны выглядит палатой для буйнопомешанной. Ни друзей, ни подарков (новогодние оставались якобы «забытыми» в старом доме). Веселенькая картина.

Марфа следила за сменой выражений на лице Евы, вцепившись в край стола с такой силой, что побелели костяшки пальцев. В ее планы не входило обидеть сестру. Она только хотела помочь ребенку. И если для этого надо перевернуть мир или убедить Еву в существовании тонких материй, она сделает это. Бабушки не оставили никаких сомнений. И сама она была уверена, что причина в Еве.

Как она хотела увидеть сама, что это за предмет, от которого так много зависит. Знать, как он оказался у Евы. И почему именно Ева? Он должен был прийти к ней. Марфа смогла бы разобраться, понять, увидеть его – разве не она больше всех пострадала? Да, были еще три двоюродные сестры, жизнь которых тоже изменилась или совсем разрушилась за последние пять лет. Но Коко, маленькую, светлую, надо было спасти. Любым способом.

– Да, наверное, надо осмотреться, – сказала Марфа. – Сама ты не увидишь, это ясно. Ева, не только Коко, тебе тоже угрожает опасность. Бабушки предупредили тебя? Прислушайся. Будь предельно осторожна, пожалуйста.

– Буду, буду. Приходи завтра же. Когда тебе удобно – я весь день дома.

– Уже поздно, мне надо к Алексу и Коко. Прости меня, Ева. Я на самом деле очень люблю тебя и не хотела огорчать. Пока, дорогая.

Глава 10

Обыск

Глубоко задумавшись, Ева еще некоторое время просидела в одиночестве за столиком постепенно пустеющего кафе. Ночь перешла уже ту границу, когда люди дня не могли чувствовать себя в безопасности. Узкие переулки на окраине были плохо освещены, в отличие от главных проспектов. Но Ева шла по улицам, ничего не замечая, ноги сами вели домой – прочь от сюрреализма, ставшего непереманным атрибутом ее теперешнего бытия.

Виола что-то такое говорила о Ларе, но Ева, как обычно, почти все, что рассказывала мать, пропускала мимо ушей. Пытаясь припомнить, когда в последний раз виделась с кузинами, Ева непроизвольно вспоминала в первую очередь Лени. Нелепая смерть, совершенно случайная – и ничего мистического в ней не было. Лени вытащила из воды тетя Катрина, она первая сообразила, где искать маленькую Лени, и, склонившись в безумной надежде вернуть ее, делала искусственное дыхание.

Елена была первая из этого поколения девочек, самая ранняя, самая умная, самая талантливая и ранимая. Тонкие, длинные пальцы, огромные глаза, гибкая и невысокая фигура. Кажется, она специально скроена по тому же лекалу, по которому делали скрипки. Скрипачкой она была гениальной.

Все дочери Александры, безумно любившие своих малышей, все же в один голос признавали – девочки были странными. Какую ни возьми, свои трудности, как будто с другой планеты. Вот и Лара. Высокая, голубоглазая блондинка – жесткая с многочисленными поклонниками, нежная с матерью и бабушками, заносчивая с сестрами. Холодная интеллектуалка, ведущая счет всему и всем. Нетерпимая к слабостям человеческим и пятнам на скатерти. Когда, как ее аккуратность переросла в болезненное стремление к почти стерильной чистоте? Лучшая помощница Фани на всех семейных праздниках – никто не мог с такой тщательностью скрести дубовые столы или так тонко перемалывать сахар в пудру. Уже второе рождество Фани обходилась без Лары, изредка вздыхая над заброшенной теперь кулинарной книгой, которую Лара приводила в порядок на протяжении двадцати лет.

Разговаривая сама с собой (с ней случалось такое в минуты волнений), Ева не заметила, как дошла. Она с удивлением очнулась лишь на мостике через канал у собора, откуда уже виднелся ее дом.

Дома Ева включила полное освещение. Встав у порога, она внимательно огляделась. Но и в самом деле – вещей было крайне мало. Следуя давно установленному правилу, Ева избавлялась от всего, к чему не прикасалась более четырех месяцев. Осматривая квартиру в поисках загадочного предмета, девушка продолжала разговаривать сама с собой: «Что же это за предмет? Полагаю, все это ерунда – проклятие, энергия, несчастья. Я как человек разумный могу объяснить семейные беды случайным совпадением и общим падением нравов. Но в случае с Марфой и Коко – нельзя так просто откидывать даже самые безумные доводы. Энергия заблуждений подчас делала гораздо больше, чем логически обоснованные действия».

Как Ева ни старалась, с каким тщанием ни переворачивала вновь и вновь скудное содержимое полок в шкафу – так ничего и не увидела. Вещи были то слишком новыми, то слишком старыми. «Надеюсь, про шарф она погорячилась». – На всякий случай пересмотрев свой гардероб (тоже не самый обширный), Ева не нашла там ничего inferнального.

От Лени скорее, чем из-за снобизма, Ева никогда не покупала вещи на блошиных рынках. В отличие от Марфы, любившей поворошить горы недорогих вещей и умевшей при этом найти нечто настолько винтажное и стильное, что все ее подруги в очередь выстраивались, чтобы поносить. Ева же покупала одежду в магазинах, никем не ношенную и никем не даренную. Маловероятно, чтобы «энергетически сильная» вещь была изготовлена фабричным способом.

Отчаявшись, но все еще не решаясь лечь спать, Ева села за рабочий стол и уставилась на свое отражение в оконном стекле – глубокая ночь прильнула к окну с той стороны. Тупая тревога обернула голову ватным одеялом, ни одна мысль уже не могла пробиться сквозь рыхлое, беспокойное оцепенение. Ева очень не любила состояние такой безысходности, инстинктивно не подпуская его к себе, – знала, что труднее остановиться, чем не начинать.

Машинально Ева достала из ящика картотеки Письмо. Как фотография старого друга, оно подействовало успокаивающе. Но что-то не давало насладиться моментом, что-то неуловимое, как назойливая мошка. Ощущение, мысль... И вдруг Еву как громом поразило – Письмо! Оно само пришло к ней. Неужели... Разумеется, ни на секунду не поддавшись мистическим настроениям Марфы и бабушки, Ева поняла, что Письмо – единственная вещь в ее жизни, падающая под описание искомого предмета. Другими глазами взглянув на этот лист бумаги, Ева начала читать, впервые вникая в смысл написанного, а не анализируя особенности почерка.

...Помнишь наши клятвы, наши обещания вечной любви? Настало время, я ушел первым – я проложил для тебя дорогу. Жду, любовь моя, тоскую по тебе. Каждую ночь прихожу к тебе, ласкаю твои волосы, целую твои глаза, но с рассветом вновь вынужден терять тебя. Снова и снова – ты не представляешь себе бездну боли, которую я переплываю в такие моменты, и все для того, чтобы следующей ночью снова прийти к тебе. Недоступная, такая близкая и такая далекая! Ты – мое единственное пристанище.

Поспеши же выполнить свои обещания. Я чувствую, что иначе потеряю не только тебя, но и себя самого. С каждым разом, с каждым мгновением, что разлучает нас, – я чувствую, как демоны овладевают мною, как нечто темное и чуждое заселяет пространство внутри меня, которое ранее занимала ты, моя любовь к тебе, твоя любовь ко мне. То, что раньше было занято светом, заполняется липкой и холодной тьмой. Тело мое забывает, как забываешь меня и ты, как оно выглядело до расставания с тобой, до моей смерти... Жилец выбыл, а его место занял другой. Нечто другое – клокоцущее, темное и чуждое всему, что я знал и любил до этого.

Мое тело, так пострадавшее в аварии, поневоле приспособилось жить иначе. Стоит ли теперь удивляться, что и его содержимое изменяется тоже? Шрамы, казалось, сначала были только снаружи. Но искалеченные кости, внутренности – все это создавало постоянное давление и вытеснило в конце концов Меня. Бесхозное, тело мое стало приютом бесов, и имя им легион. Теперь они уносят меня, водоворотом засасывая в новое пространство, неизвестное тебе и мне – полное грязи, страха и скорби. И только ты одна можешь спасти меня, родная моя. Любимая. Приди ко мне, спаси меня...

Еву сотрясал озноб. Возможно, Виола была права, и она действительно больна. Перечитывая снова и снова такой знакомый и такой неизвестный документ, Ева с трудом укладывала в голове в беспорядке появляющиеся и перебивающие друг друга мысли. Как, ну как она не замечала раньше напряжение, с которым было написано письмо?! И тема, и общий тон – все указывало на то, что писавший был на грани нервного срыва, если не больше.

Снова и снова глядя в почерк, Ева видела то же, что и раньше. Спокойный, уверенный человек, мужчина, летним вечером писал эти строки. Он представлялся ей средоточием всех возможных достоинств. Она восхищалась его спокойным приятием бытия, умением вкушать жизнь, наслаждаться ею, быть мудрым и щедрым к себе и близким. Всем, чего так не хватало ей. Он был почти идеален в представлении Евы. Он был тем, кто мог бы, казалось,

пробудить ее к жизни. Он был ее солнцем, способным растопить вечные льды, сковавшие ее. Его она ждала со смирением невест Христовых, когда-то заточенных в мрачном монастыре.

Портрет, нарисованный ею по почерку, был настолько живым, что и сейчас она видела его скулы, уголки упрямо сжатых губ, складки нахмуренных бровей. Не было никаких шрамов, уродства и бесов. Как можно было написать такое и таким почерком? Мучительное вглядывание в эти строки почти до головокружения, до тошноты, не приносило ни облегчения, ни понимания.

Но постепенно Ева стала различать второго человека, спрятавшегося за изображением, таким знакомым, что оно стало почти родным. Вот он. Как отражение на стекле, под которым был первый портрет. Почти совпадающий, а поэтому неразличимый, если не приглядываться, – он присутствовал почти так же ощутимо и реально, как само изображение. Постепенно, набираясь, как бы высасывая силы и краски из первого портрета, новый человек все яснее показывал себя.

Ева, не в силах остановить это жуткое превращение, как замороженная наблюдала за метаморфозами. С ужасом она увидела шрамы, уродующие, сминающие человеческие черты в страшную маску чудовища. Натянулась до предела и лопнула, исходя трещинами и разрывами с неровными краями, кожа, ложась на неестественные для человеческого лица рельефы. Ничего более омерзительного Ева представить себе не могла. Из-под новой плоти острым холодным огнем ненависти блеснули глаза.

Резко отбросив лист, Ева вскочила. С оглушительным грохотом упал стул, на котором она сидела. Письмо, медленно кружась, с тихим шорохом опустилось на пол. Шатаясь, Ева прошла на кухню. Выпила залпом стакан ледяной воды. Отдышавшись, вернулась к столу и посмотрела на письмо, так и лежавшее на полу.

«Надо успокоиться, – сказала Ева себе. Еще раз вздохнула, потерла дрожащей рукой пылающий лоб. – Одно я знаю теперь точно – прежним делом такой бездарности, как я, заниматься противопоказано. Второе: нервы у меня ни к черту. Мерещится бессмысленная чушь. Хорошо еще, если это просто горячечный бред. Будем надеяться на лучшее. Во всяком случае – с портретами и почерками надо завязывать. Так, дальше... Письмо. Других кандидатов на должность, как там бишь, «энергетически сильного предмета» нет. Будем работать с этим. Надеюсь, и Марфу, и старух оно удовлетворит. Не знаю, что там они с ним сделают, сожгут и станцуют на пепле в полнолуние или что еще у них положено делать? Лучше бы, конечно, уничтожить его». С трудом поборов желание самой приняться за это, Ева решила отнести Письмо Марфе немедленно.

Сейчас удивительно ясно вспомнился момент, когда она прочла Письмо впервые. В день, который Ева не забудет никогда, – день смерти Лени. Они тогда вместе прогуливались и долго еще смеялись, что по ошибке надели плащи друг друга. Лени была такая красивая и... такая печальная. Только через несколько дней после того, как из пруда вытащили мертвую Лени, Ева поняла, что так и не вернула плащ сестры.

Уже на пороге Ева задумалась – не слишком ли поздно? А, все равно Марфа не спит до утра, как и все ее домочадцы и непременные гости. Звонить же и говорить о Письме Ева не решилась. Облечь в слова все пережитое, объяснить Марфе свою способность видеть людей, разбирая их почерк, и не увязнуть при этом в болоте ненавистной мистики было трудно.

Она вышла из дома в ночь, уже настолько глубокую, что не было видно ни одного освещенного окна. Тишина давила на уши, забивая рот и залезая холодными пальцами под полы одежды и за шиворот. Оглянувшись и пожившись от холода, Ева слегка замялась, но все же приняла решение и бросилась мимо собора в парк, через который пролегал самый короткий путь к дому Марфы.

Освещение главных аллей этого и в дневное время не самого посещаемого добропорядочными горожанами места мало успокаивало ночью. Но Ева, с головой, забитой построением

логических цепочек из доводов, громоздившихся один на другом в опасно неустойчивые горы, грозившие вот-вот погрести под собой последние остатки воли, спокойствия и благоразумия, ничего не замечала.

Как подопытная мышь в лабиринте аллей, вырубленных фонарями в темном и плотном граните ночи, она, не задумываясь о направлении, боясь остановиться хоть на секунду, все бежала и бежала вглубь клубящегося кустами и кронами деревьев, черных и тяжелых от влаги, парка. Небо было укрыто от земли толстым слоем замшевых облаков, сквозь который не пробивался свет звезд и луны.

Постепенно до сознания Евы начало доходить дыхание окружавшего ее со всех сторон парка. Темнота за пределами освещенного электричеством пространства была обитаема. Треск веток, шлепки мокрых ладошек листвы, шепот неубранных с прошлой осени прелых листьев. Ева забыла о Письме, о Марфе. Отмененный в условиях современного города страх за целостность души и тела объял все ее существо.

Подумав, насколько она теперь зависима от электрического освещения редких фонарей, Ева остановилась, парализованная страхом. Оглядываясь вокруг, она старалась зрением дневного существа охватить чужую, уверенную тьму ночного царства. Явно заблудившись, она еще не признавала этого факта и напрасно пыталась вспомнить последний знакомый поворот. Окончательно потерявшись в ночном парке, Ева заметалась по запущенным закоулкам, отчаянно пытаясь взять себя в руки.

Темный парк, казалось, наслаждался паническим ужасом девушки. И тут, кто бы сомневался, – погасли фонари. Ева, загипнотизированная внезапным осуществлением самых сильных страхов, замерла, привыкая к темноте. Даже в полной тьме через минуту уже можно было разглядеть светлеющий асфальт аллей и угрожающе непроницаемые кусты. Стараясь держаться середины асфальтированной дорожки, Ева неуверенными шагами продолжила путь.

Глава 12

<Пропущенная глава>

Глава 13

Улов Голландца

Без всякого перехода и прелюдии Ева оказалась в подземелье. Она сразу поняла, что это ее Дом. Тот самый. Непроизвольная радость от встречи со старым знакомым быстро прошла. Положение казалось крайне неудобным. В этом помещении Ева никогда не была. Она осмотрелась, пытаясь определить свое местонахождение.

Ни повернуть головы, ни изменить положение тела Еве не удалось. Сдержав приступ паники, она закрыла глаза, досчитала до пяти и снова открыла их. Зрение, привыкнув к скудному освещению, с трудом и нехотя, наконец, начало делать свою работу. Первое, что она увидела, не порадовало и не успокоило ни на секунду. Битая кладка темно-красных кирпичей, поросшая грязью, мхом и пылью.

Закрыв глаза, Ева подавила тошноту, затопившую было ее внутренности. Замкнутых, ограниченных пространств она боялась с детства. И еще – воды. «Ну и трусиха!» – подумала Ева. Самым страшным в этих состояниях было отсутствие воздуха. И здесь воздуха явно не хватало. Попытавшись вдохнуть полной грудью, Ева уперлась в стены, давившие со спины и живота. «Так. Значит, ни вперед, ни назад двигаться я не могу». Ева пыталась привыкнуть к новому месту.

Снова открыв глаза, она не увидела ничего нового. Те же грязные, обшарпанные кирпичи... Пошевелив руками и ногами, Ева с ужасом поняла, что лежит в подвале настолько низко, что расстояния между потолком и полом едва хватает, чтобы поместилось ее распластанное тело. Девушка услышала тихое поскуливание и не сразу осознала, что эти тоскливые звуки издает она сама.

Ева не предполагала, что в Доме есть такие места. Были комнаты довольно страшные или просто неприятные, непонятные или необъяснимые. Но ничего настолько угнетающего не было. Она не думала, что Дом может преподнести столь враждебные подарки, даже навязать их, потому что Ева не могла вырваться по собственной воле из этого подпола.

Ева снова подвигалась. Боли не чувствовалось, но это почему-то не успокаивало. Острые осколки битого кирпича вонзились будто не в ее тело. Отчаянно рванувшись вперед, она не продвинулась ни на йоту. Дыхание снова вырвалось из-под контроля, угрожая разорвать легкие.

Поднеся ладонь к лицу, она знакомым движением потерла лоб. Ничего больше сделать она не могла. Колени, казалось, были неестественно вывернуты, и невозможность придать им нормальное положение мучила сильнее, чем даже недостаток воздуха. С трудом сохраняя сознание, Ева попыталась проползти еще хоть немного, неважно уже куда, лишь бы не оставаться в бездействии. Лишь бы не лежать без движения в такой неестественной позе и не задыхаться от сознания собственной беспомощности....

Задохнуться, впрочем, ей не грозило – судя по всему, она захлебнется. Тесное пространство стало стремительно заполняться водой. Ледяная каша уже проникла в горло, когда что-то схватило ее за руку и потащило, соскребая кожу об кирпичную кладку подземелья.

Звуки, свет, боль – ворвались в Еву. Они неистовым потоком сметали все на своем пути. В одну секунду вернувшись в этот мир, она со стоном окунулась в него, как в холодную воду реки. Чья-то теплая и живая рука продолжала тянуть ее.

Движение, казавшееся бесконечным, причиняло все большую и большую боль. Приоткрываясь постанывая в такт рывкам, дергающим ее, Ева приоткрыла один глаз. Сначала была тьма. Потом тьма заявила о себе как о двигающейся субстанции. Потом выделила из общего потока части – камешки, травинки, прелую листву.

«Кленовый лист, почти кирпичного цвета, точно прошлогодний, – подумала Ева. – В этом году они еще не до конца вызеленели. Кустик ландыша – странно, я думала, их уже истребили старушки, продающие цветы у станций метро или в уличных кафе. Теперь звуки. Стоны, вероятно, мои, только очень уж надрывные, уставшие. Как будто мне уже надоело стонать. С каких это пор я себе позволяю такое эксцентричное поведение? Надо же, а всегда такая стеснительная! Тяжелый, мягкий шорох тела, которое волокут по земле. Судя по всему, волокут меня. Болит все, но рука, за которую меня тянут, готова вот-вот оторваться». Ева присмотрелась к тому, кто тащил ее. Изображение скакало, зрение с трудом фокусировалось, но спустя какое-то время она сформулировала для себя, как выглядит ее... бурлак? переносчик? (но ведь он ее именно тащил, а никак не нес) или как там его?

Снизу он казался гигантом, с огромными ногами, сюрреалистично непропорциональной рукой и теряющейся где-то в космосе головой. Высочайшая двигающаяся гора. Ходячая Джомолунгма. Высота восемь тысяч восемьсот сорок восемь метров над уровнем моря. Бесформенная колышущаяся серая масса окутывала гору, как туман.

«Но что ж так все болит? Не от столь же экзотичного способа передвижения! И, кстати, кроме моих стонов есть еще и побряхтывание. Видимо, это оно. Он. Да кто это, в самом деле?»

– А-а-а...

«Вот разнообразие – то стонала, то алфавит читает! Я-то надеялась сказать что-нибудь членораздельное. Попытка номер два...»

– Мммм... Что?

– Сейчас, сейчас. Тяжело мне, милая. Не каждый день перетаскиваю такие грузы. А ты ножкой-то, ножкой отталкивайся, глядишь, веселее пойдет. Вот-вот, правильно, умница! – похвалил отчего-то знакомый голос. Звучал он мягко, но в то же время строго.

Ева пыталась, как могла, шевелить разламывающимися от боли ногами и руками. Время, казалось, остановилось.

Иногда она отстранялась и смотрела на себя со стороны. Потом снова возвращалась, отмечая эти моменты вспышками боли, все отменяющей и все равняющей. «Вот сейчас это окончательно оставит меня, вот прямо сейчас...» Но движение продолжалось. Странно. «Где же конец, который, как известно, есть у всего?» – думала Ева.

Но вот, после особенно острых камней, напоминающих ступени, движение прекратилось. Боль, с новой силой набросилась на бедное тело Евы, как стая одичавших собак, терзая мясо, вгрызаясь в кости и облизывая холодным языком внутренности.

– Ну вот, милая. Полежи здесь. Скоро утро, тебя найдут. Больше ничего для тебя сделать не могу. Э-э-эх! Что ж тебя угораздило-то, ночью да в парк?! Ну, ничего-ничего, до свадьбы заживет. – Тяжеленная рука похлопывала растянувшуюся на чем-то твердом и могильно холодном Еву – Меня знаешь сколько раз калечили? И Селедка тоже думает, что все обойдется, правда ведь, Селедка? Ну, полежи, полежи тут. Отдохни. А может, свезет, так и вовсе помрешь. Хотя жить, оно знаешь как славно! А жить, что? Можно и в парке жить. Если с опаской. А ты вот в парк, да ночью. Нехорошо. Да, благодарствую за корзину. Вкусно было, страсть! Ну, лежи, лежи. Светает скоро. Пора мне.

Почувствовав, что осталась одна, Ева опять начала стонать. Впрочем, довольно быстро прекратила, утомившись. За неимением других занятий, стала размышлять: «Ну и что? Вот лежу я неизвестно где. Одна. Боль нечеловеческая. Боль такая острая, металлическая и чужеродная – не подобрать слов. Но сердце мое не остановилось, небеса не рухнули, тело мое не распалось на молекулы – я лежу и думаю: «Ну и что?» Все идет, пока идет. Судя по всему, я еще не умерла. Лежим дальше».

Глава 14

Как Ева узнала, что с ней произошло

ГУогда Ева пришла в себя, гранитного холода ступеней уже не было. Жгучая боль трансформировалась в тупую, нагло заняв редуты в каких-то определенных участках поля боя: «... На вересковом поле, на поле боевом, лежал живой на мертвом и мертвый на живом»³. Апатия снедала и душу, и разбитое тело. Мысли лениво ворочались в голове, как личинки какого-то насекомого.

Было светло. Свет проникал даже сквозь закрытые веки, алые всполохи раздражали, но все же недостаточно для того, чтобы открыть глаза. Лежать было мягко и тепло. «И на том спасибо», – вздохнула Ева. Вздохнулось хорошо. Жить, и правда, славно. Но лень. И снова склейка. Как в кинофильмах – сцена – склейка – сцена – склейка – титры. До титров еще далеко. Снова сцена. Снова день – светло, через веки пробивается свет. Может, открыть глаза?

– Ева! Ева! – Тихий голос, как нить Ариадны, выводил из лабиринта полузабытья. – Открывайте глаза.

– Что вы как змею заклинаете! – Ева, чуть приоткрыв глаза, недовольно посмотрела на Макса. – Где я?

И, засмутившись своей киношной фразы, она попыталась двинуть рукой. Пошевелился палец. С трудом.

– Вы в безопасности. Лежите тихо, – приказал Макс.

– Я спросила – где я? – кое-как найдя силы рассердиться, повторила Ева.

– В больнице. Врачи просили вас не волновать. Но это действительно тяжело – не знать, где находишься и что произошло. Вы ведь не все помните? – с надеждой спросил он.

Признать это было стыдно. Тем более перед ним. При чем здесь он? Вообще, какое ему дело и откуда он узнал? «Почему именно он?!» – все больше раздражаясь, Ева непривычно близко оказалась у границы истерики. Слезы покатались из-под ресниц. Стекая по щекам, они охладили виски и скапливались лужицами у переносицы. Где-то в черепной коробке, подо лбом и носом, образовался горячий шар и начал давить, вырываясь наружу. Дыхание участилось.

– Спокойно, – приказал голос Макс и, уже мягче, добавил: – Тише-тише. Все теперь наладится. Все будет хорошо.

Что все? Но раздражение прошло. С ним ушла истерика и слезы. А может, просто кончились силы. Смертельно уставшая Ева все же спросила:

– Кто еще знает?

– Никто. Кого вы хотите видеть? Мать, сестер? – После паузы: – Кого-то еще?

– Нет. Никого не надо. Слышите? Никого! – вскинулась Ева.

«Что бы ни случилось, что бы ни произошло, лишь бы никто не знал. Только бы никто ничего не знал», – заклинала она по пути в никуда.

– Дамочка, вставайте, проснитесь, дамочка!

Этот визгливый голос Ева уже узнавала. Медсестра.

– Сейчас придет врач. Что вы все спите? – суетилась медсестра, размахивая руками, как сорока крыльями, пытаясь разогнуть сонную, густую как кисель атмосферу в палате.

– Ну и что, – без выражения сказала Ева, плавно и тяжело переваливая через хребет сна.

³ Роберт Луис Стивенсон. Вересковый мед.

Врач был уставший, бесцветный, с мешками под глазами. Слишком бледный, показалось Еве, хотя, может, оттого, что был весь в белом.

– Ева, вас ведь так зовут? – начал он деловым тоном. – Вас привезли к нам вчера, рано утром. Видимо, вас избили. Жестоко. Сотрясение мозга, средней тяжести, несколько ребер сломано, надо будет носить повязку, – «Вот почему так тяжело дышать», – поняла Ева. – Перелом левой руки, лучевая кость без смещения, гипс три недели. Синяки, ссадины до свадьбы заживут.

«Далась вам всем моя свадьба!» – вспыхнула Ева, внимательно слушая врача, соотнося названные им травмы с внутренним реестром неполадок.

– Собственно, все. – Он вопросительно уставился на Еву, теребя воротник халата.

– Когда можно домой? – сразу спросила Ева.

– Сегодня. Возьмите направление к психологу и к хирургу – Ева закатила глаза при упоминании о психологе. – Повязки менять, гипс снять, там все написано...

– Все ясно, вещи...

– У медсестры. Никакой работы, волнений. Физиотерапия показана по назначению хирурга. Э-э-э... Все, – удивленно провозгласил врач и, покачавшись с пяток на носки, удалился.

В палату зашел Макс. «Значит, не приснился», – разочарованно вздохнула про себя Ева. И вопросительно посмотрела на него.

– Это я вас привез сюда. Я заходил к вам за документами, в обычное время. Вас нашли священники, пришедшие на службу, – и, заметив ее непонимающий взгляд, пояснил: – На ступенях собора.

– Ах, ну да, было жутко холодно и неудобно, – пробормотала Ева. – Вы никому...

– Вы же просили. Но лучше было бы...

– Я сама, – отрубил Ева. «Довольно того, что вы в курсе», – добавила она про себя.

В комнату вошла медсестра с пакетом, в котором лежала одежда. «Мои вещи», – подумала Ева, с некоторым удивлением глядя на них. Казалось, ничто не должно было пережить ту ночь и остаться в неизменном виде. А вот поди ты, лежат себе спокойно. Обычные. Такие же, как и раньше. На ворохе одежды белым флагом лежало Письмо. Проходивший мимо Макс остановился, зацепившись взглядом за него. Медленно подойдя к кровати, он протянул руку. Время ползло как патока – растягивая каплю секунды в длинную нить паутиной тонкости. Ева, как зачарованная, следила за этими замедленными движениями, не в силах разорвать оковы колдовства.

Прочитав Письмо, Макс посмотрел на Еву. Четко вычерченные брови сомкнулись, придав его и без того твердому лицу еще более суровое выражение.

– Откуда ЭТО у вас? – Каждое слово, как железным молотом опускалось на голову Евы. Опять брызнули из глаз слезы. Жалобно посмотрев на Макса, она молчала, не решаясь заговорить. С ней никогда и никто не говорил подобным тоном. Колени подогнулись, и Ева упала обратно на кровать, с которой только что неловко встала, пытаясь одновременно поправить халат и не раскидать свои вещи.

– Уходите! Мне надо переодеться. Выйдите вон, – почти умоляя, просипела Ева. Заливаясь слезами, она уткнулась мокрым лицом в подушку.

Макс, повернувшись на каблуках, вылетел из палаты. В дверях он столкнулся с медсестрой. Гневно посмотрев ему вслед, та прошла в палату и, возложив на кровать рядом с Евой стопку сменного постельного белья, нетерпеливо встала, уперев мощные руки в округлые бока.

– Успокойтесь сами или сделать укол? – сучливо спросила она у Евы.

– У-у-у-у... Сама, сама. – Ева, как маленькая, боялась уколов, больниц и таблеток.

Таблетки она вообще не могла есть. Виола сначала думала, что маленькая Ева просто притворяется, и упорно продолжала пичкать ее пилюлями. Та же скармливала их многочис-

ленным фикусам и фиалкам, которые успешно разводила мать. К счастью, они, несмотря на такую необычную подкормку, как ни странно, продолжали себе цвести.

Естественно, однажды Виола застукала Еву за процессом избавления от лекарства. Под строгим надзором жестокосердной матери дочь была вынуждена продемонстрировать, насколько ее организм не приспособлен для потребления таблеток. Героически прожевав с мученическим выражением на детской рожице, Ева проглотила их. После чего они бурным фонтаном вернулись в этот мир, и отнюдь не в гордом одиночестве, а в сопровождении завтрака.

– Так, а это что такое?! – воззрилась на Еву медсестра, заметив в открытой настезь прикроватной тумбочке пластиковые колпачки с разноцветными таблетками.

Ева, начавшая было приходить в себя после допроса с пристрастием, которому ее подверг Макс, снова разрыдалась. Что же все к ней цепляются? Ну не было в ее палате кадки с фикусом, некуда было выбросить лекарства!

– Вы что, вообще ничего не принимали? Дамочка, вы, наверное, не понимаете, как вам повезло. Всего пара разрывов, которые и зашивать-то не надо. И ничем не наградили, иммунитет, наверное, сильный, ни одной заразы ведь! Но вы же не собираетесь, в самом деле, рожать?

– Рожать? – Ничего не понимая, Ева смотрела на медсестру как на сумасшедшую. – Кто рожать?

– Да вы же, вы!.. – И вдруг осеклась, внимательнее присмотревшись к застывшей Еве. – Так что, они вам ничего не сказали? Ну, мужики! Что один, что другой... Вас изнасиловали. Никаких последствий, будем надеяться. Среди всего прочего, вам надо было принять таблетки, прерывающие возможную беременность. Еще не поздно, в течение тридцати шести часов – действие гарантировано. Я вам сейчас принесу. Переодевайтесь пока, и на выписку.

Как вышла из палаты медсестра, Ева не слышала. Слова. Она повторяла их снова и снова, но уловить смысл все никак не могла. Как будто они были на незнакомом языке. Психолог, наверное, для этого и прописан, нехстати пришло в голову. Но все же, как так? Не верилось, что произошло именно с ней. Произошло. Над ней надругались. Какие там еще для этого слова придуманы? Ее незащищенное, безнадзорное тело обворовали. Испачкали. Использовали. Нет, этого не может быть. Это случилось не с ней. Они что-то наверняка напутали.

Разум отказывался принять новую информацию. Она никак не вписывалась в ее бытие. И все же... Когда Ева отсутствовала, пребывая в том жутком подземелье, с ее телом случилось что-то страшное. Она думала, что его просто избили, покалечили. Но да, почему бы и не изнасиловали, для полного, так сказать, комплекта. Широкий спектр услуг парка развлечений. Заскучали? Добро пожаловать к нам, здесь вас побьют, переломы гарантированы. Изнасилюют, ребеночка не желаете? Спасут напоследок. Тоже неплохо.

«Что же такое! Что же, как же это!» – причитал голос внутри Евы. До сих пор ни разу не сталкиваясь с криминальной стороной жизни, кроме как при составлении экспертных заключений для судов и адвокатов, она не могла принять именно этой части своей истории. Все последние дни разворачивались так стремительно, так не похоже на все, что было прежде. Ну да, всегда были странноватые родственники. Мама чудаковатая. Вот, пожалуй, и все.

Ступор все не проходил, но Ева машинально начала переодеваться. Она особенно тщательно расправляла каждую складку помятой и лишь немного испачкавшейся одежды. Очень медленно и со вкусом застегивала каждую пуговицу. Одевшись и кое-как без зеркала пригладив волосы, она осторожно присела на кровать.

– Ева, я стучал, вы, вероятно, не слышали. Если вы уже готовы, я могу вас отвезти домой. – Макс сел рядом с Евой и замолчал, не зная что сказать. Да и что можно сказать в такой ситуации? Слова бессильны, когда надо передать такие смешанные и непривычные чувства, как бессильны они, скажем, когда надо описать слепым от рождения все, что касается цвета или света. Пожалуй, слова не самый универсальный способ передачи информации. Уже

выходя из палаты, Ева запнулась у порога, вернулась к тумбочке и прихватила таблетки, принесенные медсестрой.

Пока они с Максом ехали по мокрому городу в сторону собора, она не произнесла ни слова. Сжимая в кулаке коробочку, притихшая Ева сидела рядом с водительским креслом и следила за светофорами. Ни о чем думать она не хотела.

Глава 15

Лучшее средство от беременности

– Ева. Ева, мы приехали.

Расстояние было таким незначительным, что Ева вполне могла бы дойти пешком. У нее все-таки не нога была сломана, а всего лишь запястье.

– Мне подняться с вами?

– Нет. Спасибо.

«Голос изменился», – отметила Ева. Впрочем, возможно, это из-за того, что ее, видимо, еще и душили, судя по синякам на шее. Наверное, скоро пройдет.

– Все же сообщите родным. Это будет лучше для вас и... для них тоже.

– Нет. И вы не смейте! – «Устала. Я очень устала, вот и все». Отвернувшись, она бросила через плечо: – Прощайте.

«Так. Ну, все ясно. Все ясно. Главное – есть таблетки. Остальное ерунда. Я же не кисейная барышня, в самом деле. Человеческий организм очень выносливый. И я переживу. Если не акцентировать и не усугублять – можно все пережить. До меня тысячи, миллионы... да что там, миллиарды, – думала она, заходя в квартиру, – перенесли то же самое. История человечества – история войн. Армии грабили, убивали и насиловали. Целые города и страны».

Но никакие миллионы марширующих стройными рядами изнасилованных женщин не утешали и не примиряли Еву с ее личным горем. Было нестерпимо жалко себя. А этого допускать никак нельзя. В конце концов, ее положение не из худших. Как там сказала медсестра? Пара разрывов (чего именно, Еве знать абсолютно не хотелось), никакой заразы – это, пожалуй, и правда может порадовать. Спасибо огромное!

И все же лучше съест таблетки, причем немедленно. Ева лихорадочно принялась шарить по карманам... Таблеток не было. Взъерошив волосы, Ева напрягла память. Взяла коробочку с лекарством. Держала в руке. Потом открывала дверь квартиры – коробочки в руке уже не было. Уронила на лестнице – логично? Факт, логично.

Выбежав на лестничную площадку и ничего не обнаружив, она удивилась. Не веря своим глазам, медленно спустилась до первого этажа. Вышла на тротуар. Ничего отдаленно напоминающего картонную упаковку не было и в помине. Даже мусора никакого. Все еще не особенно испуганная, Ева проделала обратный путь, не поднимая головы, тщательно осматривая сантиметр за сантиметром сначала выложенный брусчаткой тротуар, потом истертого мрамора ступеньки и выложенные мелкой плиткой лестничные площадки. Ничего.

Зашла домой, просто чтобы не стоять на лестнице. Оставшись у порога, Ева стояла и напряженно думала. Что теперь? Нормальная женщина, возможно, и сама знала бы, что это за таблетки. Нормальный человек обратился бы к своим друзьям или родным. Ева, давно уже поставившая на себе крест как на человеке и женщине, обремененных нормальностью, растерялась. Решившись все же, она понадеялась на авось и пошла в аптеку.

Ближайшая аптека располагалась в двух кварталах. Ни разу не бывавшая здесь, Ева почти с интересом прошла вдоль стеклянных витрин, заваленных всевозможными препаратами. «Вот у Виолы в автомобильной аптечке наверняка завалилось что-нибудь в этом роде», – подумалось ей. Плавая в море специальных наименований, Ева размышляла, кто придумывает такие идиотские названия. Называли бы уж по-честному От головы. От живота. От глупости. От нежелательной беременности. «А это откуда у меня? Надо же, «нежелательная»! Это явно не мой случай. Мой случай названия иметь не должен. Его вообще в природе быть не должно. – Лицу вдруг стало прохладно. – Ну вот, опять разревелась», – с раздражением подумала Ева.

Народу было как-то уж слишком много. И все только и делали, что с любопытством разглядывали растрепанную девушку с синяками и ссадинами на лице, да еще с загипсованной

рукой. Обложенная белым рука покоилась на самодельной перевязи из пояска. Поясок (подарок Марфы, избавиться от которого она еще не успела) был сплетен из ремешков и украшен монетками пенни с портретом королевы Елизаветы. Меньше всего Ева была озабочена эстетическими соображениями, когда сооружала эту перевязь. Но теперь она чувствовала себя опереточным инвалидом.

Когда подошла очередь, она наклонилась к окошку. «Что они его так низко делают? Специально, чтобы смотреть свысока на просящих?» – подумалось Еве, злой и смущенной как никогда.

Она попыталась воспроизвести заранее заготовленную и отрепетированную фразу:

– Э-э-э-э-э... Можно мне... Вы не могли бы...

– Что вам? – нетерпеливо и деловито осведомился мальчик («Форменный мальчик ведь! И как таких пускают в аптеку работать – для этого же специальные знания необходимы!» – возмутилась Ева), поглядывая на избитую, явно хиппующую девчонку, впрочем, довольно ничего себе, и уже более доброжелательно: – Я вас слушаю.

– В смысле... Нет, ничего, – капитулировала Ева.

Высочив из аптеки, Ева отдышалась, прислонившись к стене. Тут же, впрочем, отшатнулась от надежной опоры под осуждающим взглядом вышедшей из аптеки посетительницы, дамы возраста Виолы. И понеслась в сторону дома под укоризненное цыканье мегеры.

По пути к спасительному укрытию своей квартиры она заметила неоновые огни винного магазинчика. Всплыли в голове сюжеты прочитанных книг, в которых девочки-подростки пытались скрыть следы раннего полового созревания в виде той самой пресловутой незапланированной беременности. «Мне надо выпить виски. Или водку, или джин. Это, кажется, самое крепкое спиртное». Выбор напитка всегда зависел от страны проживания девочки-подростка. В буфете у Евы была припасена лишь бутылка шардоне.

– Дайте мне, пожалуйста... – Ева растерялась в многообразии этикеток, вполне способном соперничать с многочисленными названиями лекарственных препаратов, – что-нибудь крепкое.

К счастью, в этом мире виски чаще всего назывался виски, а водка – водкой. «Виола всегда предпочитала водку, – не к месту вспомнилось Еве, – или разбавленный спирт – в случае, если рядом приключался доктор Вайс». Несмотря на значимость бренда, в наименовании все же фигурировало название группы или подвида напитка.

– Коньяк, – насколько Ева помнила, крепостью он не уступал водке, обладая почти приятным вкусом, – не самый дорогой.

Забрав покупку, она зашагала домой, с гордостью неся пакет с бутылкой под мышкой. Оказавшись, наконец, дома, она запустила горячую воду в ванну. Это, по всем выкладкам, усиливало эффект от спиртного. Довольная своей осведомленностью, Ева радостно раздевалась под журчание воды. Раздался телефонный звонок.

– Алло, Ева! Я вчера тебе звонила, ты где пропадала?

Голос Марфы был похож на потусторонний глас, настолько он не вязался с текущим моментом. Окольными путями пробираясь из нереального мира, столь любимого Марфой, Ева ответила:

– Была занята. – «Тут, понимаешь, насильовали меня», – подумала Ева. – А ты что?

– Ну мы же договорились. Забыла, конечно! – убежденно сказала Марфа.

– Была занята, – упрямо повторила Ева. – Когда придешь?

– Я уже на подходе, знакомые подбросили. Ты как, примешь?

– Ad libitum⁴.

– В смысле?

⁴ Ad libitum (лат.) – свободно. В данном контексте – «Как хочешь».

– Заходи.

– А! Ну ясно, открывай дверь.

Через считанные минуты в дверь зазвонили и, не надеясь на исправность звонка, забарабанили. Марфа влетела, повиснув у Евы на шее.

– Здорово! Это что? Бандитские пули? – изумленно оглядывая загипсованную руку, спросила она у Евы.

– Так, пустяки. Проходи.

Озираясь с видом посетителя музея, Марфа прошла в гостиную. Осмотревшись, попутно заглянув в кухню и ванную, Марфа спросила:

– Только что переехала?

– Почему? – не поняла Ева.

– Вообще-то коробок не видно. Ты что, так и живешь в этой халупе?

– Отчего же халупе? – оскорбилась за свою квартиру Ева. – Вполне приличное жилье.

– Ну-ну Понятно... – Марфа с сомнением оглядела комнату.

– Смотри что хочешь, – устало сказал Ева, откидываясь на спинку стула у рабочего стола.

Кстати, для этого стул пришлось поднять – он валялся на полу, дополняя представшую перед глазами Марфы картину опустошения и разрухи.

Вглядываясь в предметы, как будто принюхиваясь, та разочарованно вздохнула:

– Нет. Ну, так не интересно. Здесь ничего такого быть не может.

– А я предупреждала, – отозвалась Ева, нетерпеливо постукивая ногтями по рабочему столу.

– Хотя... Это что, это же конинка! Здорово! Это надо оприходовать, – и, набрав номер на телефоне, Марфа закричала: – Супер, супер, ребята! Поднимайтесь, здесь есть чем горло промочить! – а затем обратилась к остолбеневшей Еве: – Мы весь день без заправки, то в одну галерею, то в другую... Ребята устали, а до дома пока доедешь.

Ева, чертыхнувшись про себя, с ненавистью посмотрела на пакет с бутылкой коньяка, забытый у порога.

Почти немедленно в дверь застучали, рискуя снести ее напрочь. Марфа, кинувшись к двери, остановилась – она все равно забыла закрыть ее. Квартира быстро заполнилась людьми. Пока одни озирались по сторонам, другие обнимали Еву, третьи откупоривали бутылку ужасно дорогого коньяка и разливали его по найденным («Откуда столько тары!» – недоумевала Ева) бокалам. Шум и гам заполнил квартиру, которая, казалось, впала в шок от такого непривычного обращения.

Спустя час уставшая Ева лежала в остывшей ванне, рассматривая автографы, оставленные ватагой художников и писателей из свиты Марфы на гипсе. Обещан был, при условии сохранения надписей лет на восемьдесят – сто, не больше, немалый барыш от его продажи. По привычке Ева анализировала особенности написания прописных и заглавных букв, завитков и наклона. Прервавшись, она строго приказала себе немедленно взять себя в руки и задуматься о существующем положении. Борясь из последних сил с расслабленностью и негой, охватившей все ее до крайности утомленное тело, Ева пыталась сосредоточиться на текущих проблемах.

«Итак. Вероятнее всего, я беременна. Изнасилована, это уж точно. И беременна. Это, надо признать, возможно. Принятые меры явно недостаточны. Коньяка выпито всего лишь граммов пятьдесят. Больше мне и не досталось. Этого мало», – вздохнула Ева, печально погружаясь в остывшую воду. По всем подсчетам, надо бы половину литра – причем залпом и в горячей ванне. Но идти в магазин за новой бутылкой коньяка решительно не было никаких сил. «А ведь завтра будет уже поздно», – с каким то равнодушием сказала себе напоследок Ева, прежде чем заснуть.

Очнулась она от жуткого холода. В ванне с ледяной водой. Дрожа, трясущимися руками обтираясь полотенцем, Ева доскакала до спальни, оставляя неровную дорожку мокрых следов.

Рухнув в кровать, поглубже закопалась под многослойный пирог покрывал и погрузилась в мутный, как разведенное молоко, сон.

Снилась ей ворона, с поломанными крыльями, но все еще внушающая ужас своей доисторической, реликтовой непонятностью. Снилась Старая Сеньора, которая на веревочке выгуливала покалеченную ворону, под руку прохаживаясь в саду с Марфой. Сад был богат тропической зеленью, зноен и влажен.

С ужасом, едва не с криком, Ева пробудилась от тяжелого сна. Посмотрев в окно, определила, что на дворе раннее утро. Часов около шести, навскидку соображала она. «Какие-то у меня дела...» – задумчиво протянула про себя, сладко потягиваясь. Сознание услужливо потопилось предоставить список: избита, изнасилована... возможно, беременна. Сколько часов прошло? Пытаясь подсчитать в уме, Ева загибала пальцы на свободной от гипса руке, пока совсем не выбилась из сил, и снова уснула, предварительно предупредив себя, что сновидений на сегодня уже достаточно.

Проснулась она от настойчивого звонка телефона. «Надо было совсем звук убрать, – разочарованно подумала Ева». Подождав немного в надежде на то, что телефон смолкнет, она в конце концов сползла с кровати и поплелась к аппарату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.